

ГЛАВНАЯ КИНОПРЕМЬЕРА 2015

ЧЕЙЗ ОУЭН

КИТОБОЕЦ
«ЭССЕКС»

В СЕРДЦЕ
МОРЕ

Главная кинопремьера 2015

Оуэн Чейз

**Китобоец «Эссекс». В
сердце моря (сборник)**

«Алгоритм»

УДК 821.111-311.3(73)
ББК 84(7Coe)-44

Чейз О.

Китобоец «Эссекс». В сердце моря (сборник) / О. Чейз —
«Алгоритм», — (Главная кинопремьера 2015)

Текст этот – правдивое описание крушения китобойца «Эссекс» и последующих страданий двадцати человек, оказавшихся на трех слабых вельботах посреди Тихого океана. «Эссекс» был торпедирован китом в 1819 году, книгу о нем написал выживший первый помощник капитана по имени Оуэн Чейз. Крушение китобойца, вернее, предлагаемый рассказ о нем, послужило одним из двух основных источников вдохновения для «Моби Дика» Германа Мелвилла (второй – «Моча Дик, или Белый кит Тихого океана» Рейнолдса 1839 года). Правда, в то время как повествование Мелвилла заканчивается нападением кита на корабль, в описании крушения «Эссекса» с нападения все, по сути, только начинается. Книга Чейза почти целиком посвящена скитаниям по океану...

УДК 821.111-311.3(73)
ББК 84(7Coe)-44

Содержание

Оуэн Чейз	6
К читателю	7
Предисловие	8
Глава 1	10
Глава II	13
Глава III	18
Добавление	41
Томас Никерсон	42
Герман Мелвилл	47
1	47
2	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54
Комментарии	

Оуэн Чейз

Китобоец «Эссекс». В сердце моря

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

* * *

Оуэн Чейз

Повествование о китобойце «Эссекс» из Нантакета

Повествование о кораблекрушении, самом чрезвычайном и огорчительном, китобойца «Эссекс» из Нантакета, на коего напал и окончательно разрушил в Тихом океане большой спермацетовый кит, с рассказом о не имеющих себе равных страданиях капитана и экипажа в течение двадцати трех дней в море в открытых лодках в годы 1819 и 1820.

К читателю

Я осведомлен о том, что общество уже пресытилось историями об «Эссексе». Многие из этих рассказов написаны людьми, которые не имели на это никакого права. Оскорбления, распространение выдуманных историй, неведомым образом появившихся судовых журналов, зачастую полностью сфабрикованных только лишь с целью наживы, – все это повлекло снижение интереса к нашей профессии. Часто стали недооценивать тяжелый труд и великую отвагу китобойцев.

Очень важно, чтобы книги основывались только на правдивых событиях и охватывали как можно больше различных тем в области искусства или науки. Когда появляется достойный повод и интересная тема, когда повествование интересно и поучительно, вызывает сочувствие и живое внимание, а детали истории дают возможность искренне сопереживать героям, именно благодаря им раскрываются новые, изумительные черты характера человеческого – такой род сообщений приобретает огромную важность для филантропа и философа и полностью заслуживает внимания всякого читателя.

Относительно событий, содержащихся в сей небольшой книжке: они не столь нелепы, чтобы требовать от читателя большого легковерия, и, полагаю, не столь неважны или неинтересны, чтобы отвратить его от внимательного прочтения.

Мне довелось испытать множество несчастий. В той ужасной трагедии, обрушившейся на нас, я пострадал чуть ли не сильнее всех. Там я потерял все то малое, что удалось мне скопить и что я бездумно вложил в дело. В один краткий миг уничтожены были и положение мое, и надежды на его улучшение. Очень недолго, но такие надежды все же появлялись в моей душе. Надежда хоть немного возместить тот ущерб, опубликовав эту краткую и правдивую историю моих страданий, посещала меня, поэтому рассказ этот должен привлечь внимание читателей.

Предисловие

Возросшее внимание, уделяемое китобойному промыслу в Соединенных Штатах, в последнее время вызвало большое оживление в сфере торговли, и, вне сомнения, промысел этот станет, если еще не стал, столь же важной и обычной отраслью коммерции, сколь любая другая развивающаяся в нашей стране отрасль. Сейчас промыслом этим занят очень ограниченный круг трудолюбивых и предприимчивых людей, сделавших изрядное состояние за сравнительно короткий срок. Он обогатил их, но не испортил. Эти люди не знают роскоши и излишеств, хоть это и обычное дело у людей, занятых иностранной торговлей. Те, кто ныне наиболее успешны в нем и заметны, замечательны первозданной простотой, честностью и гостеприимством. Ремесло это, если я могу так его назвать, испытало подъем у первых поселенцев и постепенно развилось до распространенного, важного и прибыльного промысла. Именно в таком состоянии оно пребывает и сейчас, не испытывая существенных спадов и без излишней конкуренции.

Последняя война¹ временно ухудшила положение китобойного промысла. Захваты и потери большого количества прекрасных судов с их грузами просто не могли не снизить прибыльность нашего дела. Радует лишь тот факт, что война эта продолжалась недолго и потерь оказалось недостаточно, чтобы отвлечь внимание китоловов на другие, менее опасные сферы. По заключении мира силы эти прорвались вновь; и паруса наши теперь убеляют дальние пределы Тихого океана. У англичан есть там несколько кораблей, и это вызывает опасения, так как преимущества, которыми они перед нами обладают, существенно затронут успехи наши, навязав нам со временем соперничество много более серьезное и ожесточенное. Они получают большую прибыль от спроса на жир на их рынках и от поддержки парламента, не только позволившего беспопылинный ввоз его, но и даровавшего им особые условия при торговле.

Остается надеяться, что мудрость Конгресса распространится и на сей предмет и что текущее решительное превосходство наше не будет потеряно из-за недостатка честно заслуженной помощи правительства.

Недавние события показали, что для защиты этой важной и прибыльной отрасли коммерции мы нуждаемся в усилении военно-морского влияния в Тихом океане. Из-за недостатка военной мощи в последнее время было нанесено немало серьезного вреда и ущерба. Это замедляет развитие китобойного промысла, не говоря уж о куда более серьезных последствиях, которыми грозит такое положение дел в будущем.

Во время последней войны усилия и отвага капитана Портера² сохранили огромное количество ценного имущества, попавшего бы иначе в руки врага. Его искусное, смелое и патристическое поведение, проявлявшееся всякий раз, когда ему предоставляли возможность действовать, давало защиту и уверенность соотечественникам нашим. Его поведение полностью соответствовало нашим ожиданиям и оправдывало возложенные на него высокие ожидания правительства.

Путешествие кораблей наших занимает обыкновенно от двух до трех лет. Время от времени необходимость вынуждает их заходить в порт за провизией, водой и ремонтом – в некоторых случаях к сущим дикарям, в иных – к негостеприимным народам, от коих подвергаются они всякому обману, принуждению и насилию. Все это требует от нас разумной силы для их

¹ Имеется в виду война 1812–1815 гг. между США и Британской империей.

² Давид Портер (1770–1843) – коммодор военно-морского флота США, во время войны 1812–1815 гг. командовал фрегатом «Эссекс». В 1813–1814 гг. «Эссекс» оказывал поддержку американским китобойным судам в Тихом океане и захватывал английские, перуанские и пр.

устрашения и возмещения ущерба. Пока продолжается борьба между патриотами и роялистами или даже завершилась она в скором времени – пока существуют молодые и неустойчивые правительства, поскольку ведь при естественном ходе истории, должно пройти много лет, – китоловы наши будут продолжать нуждаться в одобрении и поддержке, право на кои им в высшей степени даруют важность ремесла их для преуспевания их и страны. Это, несомненно, дело самое опасное, связанное со многими попутными и неизбежными жертвами, суровые реалии промысла становятся невыносимыми из-за небрежения и недостатка внимания со стороны правительства.

Моряки, занятые в этом промысле, и особенно из Нантакета, представляют собой сынов самых уважаемых на острове фамилий. В отличие от большинства людей их класса и профессии они занимаются китобойным промыслом только в начале своей жизни, это лишь веха в их будущей карьере. Люди эти отличаются честолюбием, гордостью, стремлением отличиться и получить повышение по службе. Почти все они поступают на службу с видами на будущее командование, но охотно подчиняются и принимают все тяготы и мытарства промежуточных чинов, пока досконально не изучат свое дело.

Бывают простые матросы, рулевые и гарпунщики. Последние – самые важные, их труд почитают более всего. Именно до этого чина дослуживаются все молодые матросы, от их ловкого управления гарпуном, линем и острогой, и той рискованной позиции, которую занимают они рядом с врагом своим, почти полностью зависит успешный результат атаки. Настоящее рыцарство на палубе линейного корабля, доблестные подвиги среди китов – обычное дело здесь. Возвращенные в опасностях, свойственных занятию их, открытые постоянным угрозам и трудностям всех времен года, климатов и погод – нечего и удивляться, что они входят в круг бесстрашных людей и во всех отношениях превосходят хороших моряков. Двух плаваний обычно считается достаточно для того, чтоб сделать энергичного и сообразительного молодого человека годным для командования. За это время он учится всему, что необходимо знать, из опыта и примеров, пред ним поставленных.

Кстати сказать, позволено мне будет заметить, что небезвыгодно было бы большинству уважаемых управителей в торговом флоте поглядеть на законы поведения и поучиться бережливому управлению у капитанов наших китобойцев. Уверен, что от введения такой замечательной традиции, они получают немало полезных рекомендаций для более успешного управления своим делом. Быть может, они бы поняли, каким уважением и авторитетом пользуется капитан китобойного судна по причине твердости его характера, высокого звания и степени ответственности. Этот вопрос очень важен и затрагивает дела торгового флота, поэтому не стоит недооценивать заслуги капитанов китобойных судов. Стремление к опасности, порою отчаянное, храбрость, исходящая от необычайно умного, во всех отношениях достойного человека, делают из нантакетских судовладельцев настоящих героев, на которых держится промысел наш. Любопытно уже само по себе и то, что возникают вопросы о степени их порядочности. Надеюсь, что все оскорбительные и незаслуженные ими упреки будут стерты после знакомства с их заслугами.

Глава 1

Городок Нантакет в штате Массачусетс состоит примерно из восьмисот обитателей, третья часть населения квакеры. Они в целом очень трудолюбивый и предприимчивый народ. Квакеры владеют на этом острове примерно сотней разнообразных судов, занятых в китовом промысле и дающих постоянную работу и заработок более чем шестнадцати сотням бывалых моряков, того типа людей, чья отвага уже давно стала основой для создания легенд и сказаний. Этот промысел не поддерживается нигде в Соединенных Штатах, кроме городка Нью-Бедфорд, прямо напротив Нантакета, где они владеют примерно двадцатью кораблями. Плавание длится обыкновенно два года с половиной и далеко не всегда увенчивается успехом. Иногда оно вознаграждает владельца скорым оборотом и богатым грузом, а иногда растягивается на вялый и унылый рейс, едва окупающий снаряжение его. Промысел этот считается очень опасным из-за неизбежных катастроф, случающихся в ходе уничтожительной войны с великими левиафанами глубин; воистину, человек из Нантакета всегда в полной мере осознает степень важности и почетности занятия своего. Любой моряк знает: лавры его, подобно солдатским, сорваны с края пропасти. Множество историй связано с нантакетскими китобоями, ходят среди них и выдаваемые за достоверные рассказы о спасениях чудесных и неожиданных. Моряки любят рассказывать о том, как были на волосок от гибели, но, без сомнений, многие из них вымышлены по образцу древних легенд.

Дух приключений сразу охватывает сынов их родственников и в раннем возрасте овладевает их умами. Плененные грубыми рассказами старых моряков и соблазненные естественным желанием повидать дальние страны и жадой наживы, уходят они за шесть-восемь тысяч миль от дома в почти неисследованный океан и проводят в постоянных опасностях, трудах и заботах от двух до трех лет жизни своей. Занятие это большого честолюбия и полно азарта самого благородного: человека смиренного среди них не бывает, а трусов всегда сопровождает особенное отвращение и презрение, которые свойственны флоту нашему. Может быть, и нет людей, обладающих большой физической силой, и правду говорят, что есть у них одаренность от природы, которая кажется скорее наследством духа отцов их, чем следствием каких-либо упражнений. Сам город во время войны был (как и естественно было ожидать) в упадке, однако с возвращением мира он возродился, и дух рыболовства стал оживать заново. Ныне в дело вовлечены большие деньги, вовлечены лучшие корабли, которыми только может похвастать страна наша. Возрастающий в течение последних нескольких лет спрос со стороны спермацетовых мануфактур побудил войти в дело компании и предприимчивых людей из разных частей уголков нашей страны. Если в будущем потребление товаров будет расти сообразно тому, как это было в последние несколько лет, торговля им сулит стать самой выгодной и оживленной в стране. По рассказам тех, кто был связан с рыболовством с детства, киты, подобно лесным животным, отступали перед маршем цивилизации в моря далекие и все более пустынные, пока, преследуемые предприимчивостью и настойчивостью моряков наших, не дошли до отдаленнейших берегов Японии.

Судно «Эссекс» под управлением капитана Джорджа Полларда младшего было снаряжено в Нантакете, и вышло в 12-й день августа 1819 года. Так началось китобойное плавание с курсом на Тихий океан. На этом судне я был первым помощником. Недавно оно прошло доскональный ремонт надводной части и в то время было судном во всех отношениях крепким и прочным: имея в экипаже двадцать один человек, оно было обеспечено провиантом и всем необходимым на два с половиной года. Мы отбыли от американского берега с попутным ветром, держа курс на Западные Острова³. На второй день, когда мы под умерен-

³ Под Западными островами понимаются пять архипелагов Макаронезии (греч. «Блаженные острова»), расположенных

ным ветром шли по курсу в Гольфстриме, с норд-веста на судно налетел внезапный шквал и ударил его с конца бимсов, пробив одну из наших шлюпок, полностью разрушив две других и выведя из строя камбуз. Мы отчетливо видели приближение ветра, но совершенно просчитались в его силе и жестокости. Он ударил судно примерно в три пункта с наветренной стороны, в тот момент, когда рулевой уводил его от ветра. Оно тут же опрокинулось так, что реи коснулись воды; потом, не дав на раздумья ни мгновения, постепенно встало к ветру и выправилось. Шквал сопровождался яркими вспышками молний и тяжелыми частыми ударами грома. Весь экипаж судна на короткое время впал в крайний ужас и замешательство, но, к счастью, вся жестокость шквала содержалась в первом порыве ветра, вскоре он постепенно затих, и снова установилась хорошая погода. С небольшими трудностями мы устранили ущерб и продолжили идти по курсу, потеряв две шлюпки. 30-го августа мы достигли острова Флориш⁴ на одном из западных архипелагов, называемом Азорами. Мы стояли рядом с островом два дня, в течение коего времени высадились на шлюпках и приобрели запас овощей и нескольких свиней: от этого места мы взяли пассат с норд-оста и в шестнадцать дней достигли острова Май⁵, одного из Кабо-Верде. Плывя вдоль берега этого острова, мы обнаружили корабль, выброшенный на берег. По внешнему виду он очень напоминал китобойца. Мы потеряли две шлюпки и понесли много других потерь, этот же корабль внушал надежду на то, что имущество здесь может быть пригодно к использованию. Мы решили выяснить название корабля и по возможности попытаться заменить здесь потери наши. В соответствии с этим мы встали в порту, то есть в месте высадки. Спустя краткое время мы увидели троих человек, вышедших к нам в вельботе. Через несколько минут они встали рядом и сообщили, что это о-в «Нью-Йоркского Архимеда», капитан которого Джордж Б. Коффин, чье судно наскочило на скалу около острова примерно за две недели до этого. Вся команда спаслась, направив корабль на берег, капитан с экипажем направились домой. Мы купили у этих людей вельбот, приобрели еще несколько свиней и снова пустились в плавание. Путешествие наше отсюда до Мыса Горн не было отмечено ничем, достойным упоминания. Мы достигли долготы Мыса примерно 18-го декабря при встречных ветрах практически на всем пути. Мы ожидали умеренного времени прохождения этого знаменитого места, поскольку время года, когда мы там были, считается наиболее благоприятным. Однако вместо этого мы встретили штормовые западные ветра и море самое грозное, которое удерживало нас на Мысе пять недель, пока мы не продвинулись на запад достаточно, чтобы можно было отчалить. При проходе знаменитого этого Мыса можно видеть, что сильные западные шторма и тяжелое море – почти постоянные его спутники: преобладание и постоянство этих ветров и моря с необходимостью производят бурное течение, каковое суда преодолевают в подветренную сторону, и во многих случаях они вообще не могут обогнуть его без благоприятных отклонений ветра. Трудности и опасности этого прохода вошли в поговорку. Но, насколько простираются мои наблюдения (подтверждаемые многочисленными сообщениями китоловов), вы всегда можете полагаться на длинное и регулярное волнение. Бури могут быть очень сильными и упрямыми, каковыми они, несомненно, и бывают, еще не было известно, чтобы они дули с той разрушительной жестокостью, какая свойственна некоторым торнадо в западной Атлантике. 17-го января 1820 года мы прибыли на остров Св. Марии, лежащий на побережье Чили, на широте 38°41'20" ю.ш. и 71°15'27" з.д.⁶ Этот остров является местом встречи для китобоев, здесь они получают древесину и воду и часто крейсируют между островом и материком (расстояние примерно десять миль) в поисках породы кита, называемой южным китом. Целью нашего прихода туда было един-

к западу от Гибралтара: о-ва Азорские, Канарские, Зеленого Мыса, Мадейра и Селваженш.

⁴ Флориш (Flores) – остров в Западной группе Азорских островов, координаты: 39°28' с.ш. 31°13' з.д.

⁵ Маю (Maio), координаты: 15°13'33" с.ш. 23°09'56" з.д.

⁶ Островок в административном регионе Био-Био, напротив города Коронель (Coronel).

ственно получить новости. Оттуда мы пошли к острову Массафуэра⁷, где добыли немного древесины и рыбы, а оттуда в поисках спермацевого кита – в район плавания вдоль побережья Чили. Мы взяли там восьмерых, что принесло нам двести пятьдесят бочек жира. Завершив к тому времени сезон, мы поменяли район плавания на побережье Перу. Мы добыли там пятьсот пятьдесят бочек. После захода в маленький порт Декамас и пополнения запасов древесины и воды 2 октября мы отправились к Галапагосским Островам. Мы встали на якорь и семь дней стояли в непосредственной близости от острова Гуда⁸, одного из них. За это время мы остановили обнаруженную ранее течь и добыли триста черепах. Потом мы посетили остров Чарльза, где добыли еще шестьдесят. Эти черепахи – пища самая восхитительная и в среднем достигают в весе, как правило, около сотни фунтов, хотя многие весят и больше восьмисот. Корабли обычно обеспечивают себя ими на время очень долгое и изрядно экономят прочих провиант. Они не едят, не пьют, ни в малейшей степени не страдают от боли, их бросают на палубе, кидают под форштевень или убирают в трюм в зависимости от удобства. Без еды и воды они живут год, но в холодном климате скородохнут. Мы покинули остров Чарльза 23 октября⁹ и направились в поисках китов на запад. На широте 01°17'53" ю.ш. и долготе 90°26'03" з.д. 16 ноября, днем, работая в стаде китов, мы потеряли бот. В боте был я с пятерыми другими, я стоял, упершись, в носовой части с гарпуном в руке, в каждое мгновение ожидая увидеть кого-нибудь из нашего стада и ударить. Вообразите мое удивление и ужас, когда я обнаружил себя внезапно подброшенным в воздух, товарищей моих рассеянных вокруг меня, а бот быстро наполняющимся водой. Кит зашел прямо под лодку и одним ударом хвоста своего пробил ее днище и разбросал нас вокруг нее. Мы, однако, с небольшими трудностями забрались на обломки и держались их, пока одна из других занятых в стаде лодок не пришла к нам на помощь и не сняла нас. Странно сказать, ни один человек в этом крушении не пострадал. В китовом деле так весьма часто бывает: пробитые лодки, поврежденные весла, гарпуны и линии, вывихнутые лодыжки и запястья, боты опрокидываются, экипажи часами остаются в воде, но ни одна из таких аварий не доводит до потери жизни. Мы так привыкли к постоянному повторению подобных происшествий, что освоились с ними, и поэтому всегда ощущаем ту уверенность и самообладание, что помогают нам находить способы избежать опасности и приучают тело и ум к утомлению, нуждам и опасностям, зачастую невероятным. Именно опасность и трудности создают моряка, среди нас это воистину отличительное качество: обычная похвальба китобоя в том состоит, что он чаще товарища своего спасался от внезапной и, казалось бы, неизбежной гибели. Он и ценится соответственно этому свойству, не так смотря на прочие качества.

⁷ Afuera (исп. «наиболее отдаленный») – остров архипелага Хуана Фернандеса, принадлежит Чили. В 1966 году переименован в Остров Александра Селкирка в честь одноименного прототипа романа Дефо «Робинзон Крузо», высаженного на соседнем, ныне называемом Островом Робинсона Крузо. Координаты: 33°38'45" ю.ш. 78°49'23" з.д.

⁸ Эспаньола (исп. Española, англ. Hood Island) – вулканический остров, наиболее южный из Галапагосских островов. Координаты: 01°22'00" ю.ш. 89°41'00" з.д.

⁹ Флореана (Floreana), бывш. Charles Island. Чейз не рассказывает, что экипаж «Эссекса» сделал из острова пустыню. Пока экипаж охотился за черепахами, Томас Чапл решил подшутить и разжечь огонь. Как раз на это время приходился пик засухи, и огонь вышел из под контроля, быстро окружив охотников. Экипаж судна вынужден был спасаться бегством. Когда они достигли «Эссекса», уже почти весь остров был охвачен огнем. Остров продолжал гореть и на следующий день, когда корабль покинул его. После целого дня плавания огонь все еще был виден на горизонте. Много лет спустя, когда на остров вернулся бывший юнга Томас Никольсон, он обнаружил там лишь черную пустошь: «ни деревьев, ни кустарников, ни травы не появилось с тех пор». Считается, что пожар способствовал исчезновению там черепах и пересмешников Флорена. Координаты острова: 01°17'51" ю.ш. 90°26'03" з.д.

Глава II

Хотя прошло уже изрядно времени, я не могу вернуться к происшествиям, которые будут сейчас описаны, без чувства ужаса, смешанного с изумлением от почти невероятной участи, сохранившей меня и выживших товарищей моих от жуткой смерти. В своих раздумьях об этом я часто, даже по истечении времени, ловлю себя на том, что проливаю слезы благодарности за спасение наше и благодарю Бога, чья помощь и защита вела нас через беспримерные страдания и муки и вернула в лоно семьи и друзей. Нельзя сказать, какие страдания и мучения способен вынести ум человека в поисках способа спастись, какую боль или слабость способен выдержать его тело, пока он не испытает их, и когда, наконец, приходит избавление, когда мечта надежды исполняется, невыразимая благодарность овладевает душой и слезы радости не дают вырваться словам. В школе страданий, лишений и отчаяния следует нам выучиться великим урокам всегдашней зависимости от всемогущего долготерпения и милости. Посреди безбрежного океана, ночью, когда сокрыт вид небес и темная буря сошла на нас – только тогда готовы мы были воскликнуть: «Да смилуется над нами небо, ибо ничто не сможет спасти нас, кроме него».

Но вернусь к изложению событий. 20 ноября (крейсируя на широте 01°17'40" ю.ш. и долготе 117°73'10" з.д.) мы увидели за подветренной скулой китовое стадо. Погода в это время стояла очень ясная, и около восьми часов утра впередсмотрящий издал крик «Фонтаны!». Корабль немедленно устремился к ним. В полумиле от места, где они были замечены, мы спустили все лодки на воду, высадили людей и пустились в погоню. Корабль тем временем был приведен к ветру, грот-марсель в ожидании нас свернут. Я встал с гарпуном во втором боте, капитан предшествовал мне в первом. По прибытии к месту, где они, по нашим вычислениям, находились, сначала ничего не было видно. Мы опустили весла в нетерпеливом ожидании, когда они появятся рядом. Наконец один из них поднялся и выпустил фонтан чуть впереди меня, я на полном ходу приблизился к нему и ударил. Чувя в себе гарпун, он в агонии бросился к боту (который в это время оказался рядом с ним) и, нанеся жестокий удар хвостом, пробил отверстие посредине, у края воды. Я сразу же взял топорик и обрубил линь, чтобы отцепить бот от кита, который к тому времени с огромной скоростью удалялся. Потеряв гарпун и линь, мне удалось от него освободиться. Вода быстро прибывала. Я наспех заткнул отверстие тремя-четырьмя бушлатами, приказал одному матросу продолжать вычерпывать, а остальным немедленно подтягиваться к кораблю; нам удалось сохранить бот и быстро достичь судна. Капитан и второй помощник в двух прочих ботах продолжали преследование и вскоре забили другого кита. Они были на изрядном расстоянии под ветром, я обросопил грот-рей и двинулся в их направлении. Пробитый бот тут же был поднят на борт, и, проверив отверстие, я понял, что мог бы, прибавив кусок полотнища, приготовить его к новой погоне скорее, чем если бы опустил другой бот, оставшийся на корабле. Соответственно этому я перевернул его на корме и прибавал полотно, и тут заметил очень большого спермацетового кита, насколько я мог судить, примерно восьмидесяти пяти футов длиной. Он появился из-под воды примерно в двадцати родах¹⁰ от носа и спокойно лежал головой к кораблю. Он выпустил два или три фонтана, а потом исчез. Менее чем через две-три секунды он явился снова примерно на расстоянии корпуса корабля и двинулся прямо на нас со скоростью около трех узлов. Корабль в то время шел с примерно такой же скоростью. Его обличье и положение поначалу не внушили нам опасения, однако, наблюдая за движениями его и видя его менее чем в корпусе от корабля надвигающимся на нас с такой быстротой, я непроизвольно приказал юнге на штурвале крепко за него взяться, имея целью отвернуть и избежать кита. Едва эти слова слетели с уст моих,

¹⁰ 1 род = 5,03 метра.

как он бросился на нас со всей скоростью и ударил по кораблю головой, прямо перед передними цепями. Сотрясение было столь сильным и страшным, что мы все чуть не упали ничком. Корабль встал так неожиданно и резко, словно налетел на скалу, и несколько секунд дрожал, как лист. Мы глядели друг на друга в изумлении совершенном, почти лишившись дара речи. Прошло несколько минут, пока мы смогли осознать это кошмарное бедствие, в течение которого времени он прошел под кораблем вдоль киля, задев его, поднялся с подветренной стороны и минуту лежал на воде (видимо, оглушенный жестокостью удара). Затем он вдруг тронулся в подветренном направлении. После краткого размышления, отойдя в какой-то степени от охватившего нас внезапного оцепенения, я заключил наверное, что он пробил в корабле дыру и что необходимо заставить работать помпы. В соответствии с этим они и были приготовлены, но не проработали и минуты, как я заметил, что нос корабля медленно погружается в воду. Тогда я приказал сигнализировать другим лодкам, и едва это было выполнено, как снова увидел кита, по-видимому, в конвульсиях, на поверхности воды, в сотне родов с подветренной стороны. Он был окутан морской пеной, поднятой его непрерывными жестокими ударами, и я отчетливо видел, как он смыкает челюсти, словно обезумев от гнева и ярости. Некоторое время он оставался в таком положении, а потом с огромной скоростью тронулся наперерез носовой части на ветер. К тому времени корабль изрядно осел в воде, и я считал его уж потерянным. Однако я приказал, чтобы помпы работали не переставая, и предпринял попытку собрать мысли мои. Я повернулся к лодкам, которых у нас на корабле было тогда две, с намерением отцепить их и приготовить все необходимое для высадки, если не останется ничего иного, и когда мое внимание было на минуту отвлечено этим, меня пробудил крик моряка на люке: «Вот он – он снова приближается». Я обернулся и увидел кита примерно в сотне родов прямо впереди нас, плывущим, как видно, вдвое быстрее обычной своей скорости, и, как мне показалось в тот миг, с удесятеренной яростью и жадной мщенья в облике. Во всех направлениях от него разлетались буруны, и его курс к нам был отмечен белой пеной в род шириной, которую он производил непрерывными жестокими ударами хвоста. Голова его была примерно наполовину высунута из воды, так он и напал и снова ударил судно. Когда я увидел, как он устремился к нам, у меня были надежды, что ловким движением немедленного отвода я смогу пересечь линию его приближения до того, как он доберется до нас, и, таким образом, избежать разрушения, неизбежного, как я знал, в случае, если ему удастся ударить нас снова. Я крикнул штурвальному: «Поворот!», но корабль не успел уйти больше, чем на пункт, как мы испытали второе потрясение. Я могу оценить скорость корабля в то время примерно в три узла, а кита примерно в шесть. Он ударил судно с наветренной стороны, прямо под кат-балкой и совершенно разбил носовую часть. Он снова прошел под кораблем, ушел под ветер, и больше мы его не видели. Положение наше в этот момент легче вообразить, чем описать. Чувства наши были так потрясены, как, я уверен, никто не может достаточно понять, не будь он там: несчастье пало на нас, когда мы меньше всего думали о какой-нибудь беде, все наши не лишённые приятности ожидания определенных плодов от труда нашего были разрушены внезапным бедствием, самым таинственным и непреодолимым. Ни минуты, однако, нельзя было терять в попытках принять меры к крайней нужде, к которой, как стало ясно, мы пришли. Мы были более чем в тысяче миль от ближайшего берега, ни с чем, кроме легкого открытого бота в качестве источника безопасности для меня и товарищей. Я приказал матросам закончить качать и обеспечить себя, в то же время, схватив топорик, обрубил обнайтровку запасной лодки, которая лежала кверху дном на двух бревнах на шканцах, и когда она пошла вниз, крикнул тем, кто там был, подхватить ее. Так они и сделали, и донесли ее на плечах своих до шкафута. Тем временем стюард дважды спустился в каюту и спас два гидранта, два атласа и чемоданчики капитана и мой. Все это было поспешно брошено в бот, пока он лежал на палубе, вместе с двумя компасами, выхваченными мной из нактоуза. Он попытался спуститься снова; но к тому времени ворвалась вода, и он вернулся, не смоги достичь цели своей. К тому времени, как мы донесли

бот до шкафута, корабль наполнился водой и погрузился до конца бимсов: быстро, елико возможно, мы столкнули бот в воду, все разом впрыгнули в него, и оттолкнулись от корабля. Едва мы отделились на два лодочных корпуса от него, как он упал на наветренную сторону и погрузился в воду.

Тогда изумление и отчаяние полностью овладело нами. Мы размышляли над страшным положением, в которое попал корабль, и с ужасом думали о внезапном и невероятном бедствии, постигшем нас. Мы смотрели друг на друга словно бы в надежде обрести утешение от обмена чувствами, однако все лица были отмечены бледностью отчаяния. Несколько минут никто из нас не произнес ни слова; казалось, все были окованы чарами ужаса, с самого первого нападения кита до погружения корабля нашего и отбытия на боте не прошло и десяти минут! Один Бог знает, каким способом, каким образом нам удалось совершить все в такое короткое время, в обычных обстоятельствах такое же время, причем при участии всего экипажа, заняло бы только отнайтовать бот и доставить его до шкафута. Товарищи мои не сохранили ни единого предмета, кроме тех, что были при них, но для меня то было источником бесконечного удовлетворения, если таковое могло быть испытано в ужасе мрачного положения нашего, что нам посчастливилось сохранить наши компасы, атласы и квадранты. После того, как ушло первое потрясение чувств моих, я с восторгом предполагал их возможными средствами спасения нашего – без них погрузилось бы во тьму и безнадежность все. Боже милостивый! Какая картина горя и страданий представилась моему воображению. Экипаж корабля, двадцать человеческих душ, спасся. Все, что осталось, чтобы провести эти двадцать жизней через бурные ужасы океана, возможно, на многие тысячи миль – три легкие открытые лодки. Перспективы добыть провизию или воду из корабля для существования во все это время были тогда по меньшей мере сомнительны. Сколько долгих бессонных ночей, думал я, должно минуть? Сколько должно пройти утомительных голодных дней перед тем, как разумно станет ожидать хоть малейшего утоления страданий наших? Мы сидели в лодке нашей в двух корпусах от останков корабля, в молчании совершенном, неподвижно глядя на них, погрузившись в мысли самые меланхолические, когда показались идущие к нам на веслах другие боты. Они только что поняли, что на нас пала какая-то беда, но о природе ее ни в коей мере не были осведомлены. Внезапное и таинственное исчезновение корабля было сначала замечено рулевым капитанского бота, и с объатым ужасом лицом и голосом он вдруг возопил: «Боже мой! Где корабль?» На этом движения их сразу же приостановились, и общий крик ужаса и отчаяния вырвался из уст каждого человека, в то время как взгляды их тщетно искали корабль по всему океану. Немедленно поспешили они к нам. Бот капитана достиг нас первым. Он встал примерно в лодочном корпусе от нас, но не имел силы издать ни звука: он был настолько подавлен открывшимся ему зрелищем, что, бледный и безмолвный, сидел в своем боте. Я едва мог его узнать, таким он сделался изменившимся, напуганным и сломленным, угнетенным своими чувствами и ужасной действительностью, представшей перед ним. Вскоре он, однако, смог меня спросить: «Боже мой, мистер Чес, что случилось?» Я ответил: «Мы разбиты китом». Потом я кратко ему все рассказал. Поразмыслив несколько мгновений, он сказал, что мы должны обрубить мачты и попытаться достать из корабля что-нибудь из съестного. В соответствии с этим мы стали ломать головы, как спасти с обломков что-нибудь для нужд наших, и с этой целью стали грести и приблизились к ним. Мы принялись искать средства проникнуть в трюм: для этого мы развинтили талрепы и стали топориками своими обрубать мачты, так, чтобы корабль снова мог подняться и позволить нам вскрыть палубы его. Мы занимались этим примерно три четверти часа, поскольку у нас не было ни топоров, ни других инструментов, а лишь маленькие топорики при каждом боте. Когда мачт не стало, он поднялся примерно на две трети высоты над ровным килем. Пока мы работали над мачтами, капитан взял свой квадрант, отошел от судна и произвел вычисления. Потом мы стали прорубать отверстие в обшивке, прямо над двумя большими бочонками с хлебом, которые, к большому счастью, были меж палуб, под шкафutom, и в верх-

ней части, когда корабль опрокинулся, так что мы весьма надеялись, что хлеб не промок. Все оказалось в соответствии с нашими желаниями, и из этих бочонков мы добыли шестьсот фунтов галет. Потом были вскрыты прочие части палубы, и мы без труда взяли столько пресной воды, сколько осмелились набрать в боты, так, что каждую снабдили примерно шестьюдесятью пятью галлонами. Кроме того, из одного ящика мы достали мушкет, небольшую банку пороху, пару шпилек, два рашпиля, около двух футов шлюпочных гвоздей и несколько черепках. После полудня ветер превратился в крепкий бриз. Взяв все, что нам попало и могло быть вынесено, мы начали делать приготовления к ночной безопасности нашей. Лодочный линь был прикреплен к кораблю, а к другому его концу был причален один из ботов, примерно в пятидесяти фатомов¹¹ под ветром; потом к первому боту присоединили второй, примерно в восьми фатомов за кормой, и третий бот, на таком же расстоянии за кормой от второго. Ночь пришла, как только мы закончили наши действия, и что это была за ночь! Столь полна лихорадочным и смятенным беспокойством, что мы совсем не ведали отдыха. Крушение все стояло перед глазами моими. Никаким усилием не мог я изгнать из мыслей ужасы предыдущего дня: они преследовали меня всю ночь – длинную, как сама жизнь. Товарищи мои – некоторые из них были как женщины в период недомогания, они не представляли степени плачевности положения своего. Один или двое беззаботно спали, пока другие теряли ночь в бесполезных роптаниях. У меня имелся теперь полный досуг расследовать с некоторой степенью хладнокровия ужасные обстоятельства бедствия нашего. Явления вчерашнего дня сменяли друг друга в голове моей с такой быстротой, что лишь после многих часов суровых раздумий способен я был избавиться от мыслей о бедствии, как от дурного сна. Увы! Из этого сна нельзя было пробудиться, такой несомненной явью было, что мы существовали до вчерашнего дня как обычно и в один краткий миг сделались отрезанными от надежд и ожиданий жизни! У меня нет слов, чтобы описать весь ужас положения нашего. Лить слезы было без пользы совершенно, да к тому же не мужски, я не способен был предаться облегчению, которое они несли. Проведя часы в праздных печали и тоске, стал я раздумывать о сем случае, силясь понять, по какой необъяснимой судьбе или промыслу (каковых я поначалу не распознал) совершилось на нас это нападение, внезапное и самое смертоносное: да еще и животным, в сознательной жестокости никогда ранее не подозреваемом, чьи нечувствительность и безобидность вошли в поговорку. Все, казалось, подтверждало мой вывод, что действия его направляло все, что угодно, только не случайность: он произвел на нас два отдельных нападения с кратким перерывом, каждое из которых, будучи сделано лоб в лоб, тем самым складывая наши скорости, рассчитано было нанести нам наибольший ущерб. то были маневры, необходимые для достижения цели его. Облик его был страшен и выражал негодование и ярость. Он явился прямиком из стада, в которое мы только что вошли и в котором забили троих из товарищей его, словно бы охваченный мстостью за их страдания. Однако к тому можно указать, что обычный способ их сражения состоял всегда либо в многократных ударах хвостом, либо в лягганьи челюстями, о случаях же, подобных нашему, никогда не слыхивали даже старейшие и опытнейшие китоловы. К тому ж я поручился бы, что строение и сила китовой головы замечательно приспособлены для такого вида нападения: самая выступающая часть ее почти так же тверда и жестка, как железо, воистину я не могу ее сравнить ни с чем, кроме как с внутренней стороной конского копыта, на котором не оставят ни малейшего отпечатка ни острога, ни гарпун. Глаза и уши его отодвинуты от передней части головы примерно на треть всей длины и при такой атаке не подвержены опасности ни в малейшей степени. Во всяком случае, все обстоятельства, взятые вместе, все, что произошло перед глазами моими и вызвало тогда в моей голове впечатление обдуманного и рассчитанного китом

¹¹ Морская сажень (*англ.* fathom, фатом, фадом, фэсом) – единица длины в английской системе мер и производных от нее, равная 6 футам. В настоящий момент в мире наиболее распространена международная морская сажень, значение которой, принятое в 1958 году, равняется ровно двум ярдам или шести футам, то есть 1,8288 м. Вплоть до стандартизации был широко распространен английский фатом, равный в точности 1/1000 морской мили (6,080 футов), то есть 1,853 184 метра.

ущерба (многие из каковых впечатлений я не могу нынче припомнить), уверило меня, что я в своем мнении прав. Положительно, во всех отношениях это был доселе неслыханный случай, возможно, самый незаурядный в рыболовецких анналах.

Глава III

21 ноября. Утро забрезжило над жалкой компанией нашей. Погода была хорошей, однако ветер дул сильным бризом с зюйд-оста и море изрядно волновалось. Ночью в каждом из ботов устроены были вахты, чтобы прибой не принес ничего из рангоута и прочих предметов (продолжавших откалываться от остова) и не повредил лодки. На восходе мы стали думать что-нибудь сделать, что именно, мы не знали. Мы отвязали лодки и прибыли к кораблю посмотреть, нельзя ли сохранить еще что-нибудь важное, но все выглядело унылым и заброшенным, и мы долго и тщетно искали что-нибудь полезное; не нашли ничего, кроме нескольких черепах, таких у нас уже было достаточно, или по крайней мере столько, сколько можно было безопасно сложить в лодки, и большую часть утра мы плавали вокруг корабля в некой пустой праздности. Мысли о том, как поддержать существование наше, не тратить времени и суметь найти утешение, куда бы Бог нас ни повел, довели нас до совершенного ощущения бедственного и одинокого состояния нашего. Воистину, мысли наши бродили вокруг корабля, хотя и разбитого и затонувшего, и мы едва ли могли выкинуть из головы мысль, что он продолжает защищать нас. Некие изрядные усилия в положении нашем вполне были необходимы, как и многие вычисления, касающиеся средств, могущих обеспечить существование наше на срок, возможно, весьма долгий, и провизии для возможного освобождения нашего. Согласно решению нашему, все принялись обрывать для парусов на боты легкие паруса с корабля, день был проведен в изготовлении их и установке. Мы изготовили себе мачты и прочий необходимый легкий рангоут из обломков. Каждый бот оснастили двумя мачтами, для бом-кливера и двух гафельных парусов. Гафельные паруса были устроены так, чтобы в случае сильного ветра на них можно было взять два рифа. Мы продолжали наблюдать за остовом, чтобы найти пригодные вещи, и в течение дня держали на обрубке фок-мачты одного человека, чтобы он смотрел за кораблями. Работе нашей весьма не способствовало усиление ветра и моря, а буруны, почти непрерывно прорывающиеся в лодки, вызывали у нас большие опасения, что мы не сможем сохранить провизию сухой, и превыше всего служила к постоянному возрастанию тревоги слабость самих ботов во время непогоды, неизбежно будущей возникать. Чтобы как можно лучше подготовиться к ней и вдобавок усилить тонкий материал, из которого они были изготовлены, мы взяли с корабля несколько легких кедровых досок (предназначенных для починки ботов в случае аварий), коими нарастили борта над планширем примерно на шесть дюймов. Это, как выяснилось впоследствии, принесло в том бесконечную пользу, я положительно убежден, что без них бы мы не спаслись — лодки набрали бы столько воды, что всех попыток двадцати таких слабых, голодных существ, коими мы стали впоследствии, было бы недостаточно для их сохранения, но нам тогда казалась более насущной и заботами нашими руководила защита провианта от соленой воды. Мы разместили его под прикрытием дерева, имеющегося с обоих концов вельбота, завернув в несколько слоев полотна. В тот день я произвел наблюдения, измерил широту и долготу, на которой мы оказались. Нас отнесло ветрами за последние сутки на сорок девять миль, поэтому, думается, здесь должно быть сильное течение, все время сносившее нас на норд-вест. Мы не смогли завершить в один день паруса наши; нужно было уделить внимание и множеству мелких приготовлений для окончательного оставления корабля, но пришел вечер и положил конец трудам нашим. Мы сделали те же приготовления, чтобы безопасно причалить лодки, и предались ужасам еще одной бурной ночи. Ветер продолжал дуть сильно, держа тяжелое море и меняясь примерно от зюйд-оста к осту и ост-зюйд-осту. Когда пал мрак ночи и вынудил нас прервать занятие, отвлекавшее нас от некоторых реалий положения нашего, мы все снова онемели и пали духом: в предыдущий день многие выказывали живость значительную, когда внимание их было полностью занято исследованием обломков и изготовлением лодочных парусов и мачт, но, перестав этим заниматься, они впали во внезапный при-

ступ меланхолии, и несчастье положения их нашло на них с такой силой, что наложило на них оковы крайнего бессилия, доходящего почти до обморока. Запасы наши были едва тронуты – аппетита не было вовсе; а поскольку вода у нас была в большом избытке, мы позволяли себе частое и обильное питье, в коем, казалось, постоянно нуждались пересохшие рты наши. Хлеба никто не просил. Продолжающееся всю ночь состояние тревоги исключало все надежды на сон, ум мой все еще выказывал крайнее отвращение к примирению с мрачным событием (хотя оно было от меня уже почти в двух днях времени). Я лежал на дне бота и понуждал себя к размышлению, безмолвные молитвы мои взывали к милосердному Богу о защите, в которой мы так нуждались. В иные разы, правда, брезжила легкая надежда, но тогда чувство, что помощь и спасение наше препоручены единственно воле случая, изгоняло ее из головы моей. Крушение – таинственное и жестокое нападение животного, внезапная поломка и затопление судна, побег наш с него и тогдашняя одинокая и несчастная доля наша – все быстро и ошеломительно минуло в воображении моем; утомленный усилиями тела и духа, я заполучил ближе к утру часовую передышку от моих волнений во сне.

22 ноября. Ветер оставался таким же, и погода продолжала быть замечательно хорошей. На восходе мы снова привели лодки к ветру и продолжили поиски могших всплыть предметов. Около 7 часов палуба начала сдавать, и все признаки указывали на скорое ее разрушение, жир потек из трюма и полностью покрыл поверхность моря вокруг, все переборки сломались, и когда корабль окатывал неистовый и бесперерывный прибой, он гулял всеми своими стыками и швами. Видя, наконец, что с остовом нельзя больше сделать ничего или почти ничего, и осознавая важность того, чтобы, обладая покамест запасами, использовать время с наибольшей пользой, я поплыл к боту капитана и спросил его, что он намерен делать. Я сообщил ему, что палубы корабля разрушены и что, по всей вероятности, скоро он развалится на куски, что, оставаясь здесь, больше никаких целей достичь нельзя, поскольку ничего больше достать оттуда невозможно, и что мое мнение таково, что не следует терять времени и нужно сделать все возможное, чтобы достичь ближайшей земли. Капитан ответил, что еще раз подойдет к кораблю и осмотрит его, и, дождавшись 12 часов, чтобы произвести наблюдения, сразу же примет решение. Тем временем к полудню все наши паруса были закончены, а лодки приготовлены к отбытию. Этой ночью мы перешли экватор и продрейфовали девятнадцать миль. За последние сутки ветер значительно изменился и стал дуть к востоку. Навигационные вычисления наши были завершены, и капитан, посетив остов, созвал совет, состоящий из него, первого и второго помощников, которые направились в его бот, чтобы обменяться мнениями и выработать наилучшие способы к безопасности и спасению нашим. Всего нас было двадцать человек, шестеро из которых были черные, и у нас было три бота. Мы сверились с атласами нашими, чтоб найти ближайшую землю, и обнаружили, что это Маркизские острова. Рядом были Острова Сообщества, об этих островах мы ничего не знали, мы предполагали, что даже если они и обитаемы, то дикарями, к которым у нас было столько же страха, как к стихии или даже к самой смерти. У нас не было карт, которые поддерживали бы вычисления наши, и поэтому мы должны были определяться только по атласам. Также капитан полагал, что в окрестностях Сандвичевых островов сейчас сезон ураганов и что держать курс туда поэтому небезопасно. Таким образом, принимая все это в рассмотрение, для нашего освобождения наиболее целесообразно было проложить курс по ветру, на юг, достичь переменных ветров и затем предпринять попытку пройти на восток до берегов Чили или Перу. В соответствии с тем были сделаны приготовления для немедленного отбытия. Бот, в котором я имел счастье, или, скорее, несчастье, пребывать, был худшим из трех: будучи много раз пробитым во время рейса, он был стар и залатан. Даже лучшие вельботы крайне хрупки, это самая хрупкая из лодок, они, что называется, обшиты внакрой и сделаны из материала самого легкого, чтоб грести с наибольшей возможной скоростью согласно нуждам того дела, которому предназначены. Изю всех видов судов они слабейшие и наиболее хрупкие и владеют перед прочими

единственным достоинством – легкостью и плавучестью, что позволяет им податливее тяжелых держаться над морским волнением. Качество сие, однако, предпочтительнее любого другого, и в нашем положении я не обменял бы его, старый и шаткий, даже и на корабельный баркас. Я совершенно уверен, что таковому свойству наших ботов мы более всего обязаны сохранением нашим в продолжение многих дней и ночей штормов, в какие мы впоследствии попадали. Принимая во внимание, что моя лодка была слабейшей, в ней разместили шестерых, в то время как боты капитана и второго помощника приняли обе по семеро. В половину первого мы оставили корабль, направив курс почти на всех парусах на зюйд-зюйд-ост. В четыре часа пополудни мы полностью потеряли его из виду. Много томительных и печальных взглядов бросали мы назад.

С тех пор мне часто вчуже казалось, что крайней слабостью и глупостью со стороны нашей было смотреть на разбитое и затонувшее судно с такой неумеренной нежностью и жалостью, но, казалось, покинув его, мы расстались со всякими надеждами и отклонили от него курс наш скорее от отчаяния. Мы решили в своих ботах держаться вместе, как можно ближе друг к другу, чтобы оказывать в случае происшествий помощь и присутствием друзей уменьшать уныние мыслей наших. Случай наш уверил меня, что несчастье и в самом деле любит компанию – лишенные помощи и поддержки друг друга, были среди нас многие, чей слабый дух, я уверен, пал бы перед мрачными воспоминаниями о прошедшем бедствии и кто не обладал рассудком или твердостью, достаточными для созерцания приближающейся судьбы нашей без ободрения от вида более твердых товарищей их. Ветер был сильным весь день, и море очень волновалось, наша лодка постоянно набирала через щели воду, так что мы вынуждены были все время держать одного вычерпывающего. В течение ночи погода стала крайне бурной, и волны то и дело обрушивались на нас. По договоренности мы разделились на две вахты, одна из которых должна была постоянно бодрствовать и работать по лодке: вычерпывать; устанавливать, натягивать и выравнивать паруса. Этой ночью мы шли курсом нашим все вместе весьма хорошо и много имели возможностей беседовать с людьми из других ботов, причем рассматривались с разных сторон способы и возможности спасения нашего. По общему мнению, более всего можно надеяться на встречу с каким-нибудь судном, и, вероятнее всего, китобойным, огромное количество которых мы полагали крейсирующими на той широте и в тех морях, куда мы держали тогда курс. Но это была лишь надежда, исполнение которой ни в коей мере не зависело от наших усилий, но единственно от случайности. Поэтому было сочтено неблагоприятным в предвкушении встречи с ними сбиваться с курса, чтоб хоть на мгновение потерять из виду добрую вероятность, которая, Провидением Господним, имела для нашего достижения суши предписанным себе маршрутом. Поскольку это наиболее всего зависело от разумных вычислений и от наших трудов, мы приняли, что провизии и еды при малом довольствии хватит нам на шестьдесят дней, что с пассатом, которым мы тогда шли, мы сможем покрывать в среднем расстояние один градус в день, что позволит нам в 26 дней достичь области переменных ветров, а потом еще в тридцать, самое большее, при хоть какой-нибудь благосклонности стихий, достигнуть берега. С этими соображениями начали мы путешествие наше, общая ошибочность которых и последующие уныние и страдания, которые мы претерпели, будут в дальнейшем показаны.

Довольствие наше состояло поначалу из хлеба: одна лепешка весом примерно в фунт и три унции и полпинты воды в день на каждого. Само по себе скудное количество это (менее трети того, что требуется обычному человеку) мы, однако, приняли без роптаний, и часто потом славил Бога даже за такую малость, данную нам в нищете нашей. Темнота еще одной ночи овладела нами, и, в первый раз разделив свой паек хлеба и воды, мы уложили в лодке утомленные тела наши и попытались немного передохнуть. Естество, наконец, утомилось от внимания и тревог предыдущих двух ночей, и сон нечувствительно пришел к нам. Сновидения не могли взломать крепкое оцепенение забытья, сковавшее тогда ум, а что до меня,

то мысли мои так меня преследовали, что роскошь сия все еще была незнакома глазам моим. Каждое воспоминание было свежо еще передо мной, и я лишь несколько раз задремал в промежутках между моими надеждами и страхами, коротко и недостаточно. Темный океан и зыбкие воды было ничто, едва ли, кажется, в ту минуту испытывал я страхи быть поглощенным ужасной бурей или разбиться о подводные скалы вместе со всеми другими обычными предметами боязливых размышлений – мои мысли до появления нового дня полностью поглощены были мрачным видом обломков, и ужасным обликом кита, и его мстостью.

23 ноября. В сундуке моем, который мне посчастливилось сохранить, было несколько мелких предметов, которые оказались для нас очень полезными; среди прочего: восемь-десять кусков писчей бумаги, свинцовый карандаш, комплект одежды, три маленьких рыболовных крючка, складной нож, служащий нам, помимо прочих полезных целей, еще и лезвием. Продолжать делать какие-нибудь записи я мог, однако, с большим трудом из-за непрекращающейся качки, неустойчивости бота и постоянных морских брызг. Вдобавок к перечисленным предметам в лодке был фонарь, пороховница и две-три свечи, всегда хранящиеся там во время китовой охоты. В дополнение ко всему этому капитан сохранил мушкет, два пистоля и банку с приблизительно двумя фунтами пороху, последний он разделил в равных долях меж тремя лодками и дал второму помощнику и мне по пистолу. Когда пришло утро, мы оказались довольно близко друг к другу, а ветер значительно усилился со вчерашнего дня; посему мы вынуждены были зарифить паруса, и хотя не ожидали какой-нибудь особенно большой опасности от тогдашней силы ветра, в лодках стало весьма неудобно из-за частых брызг волн, отчего тела наши были все время мокрыми от соленой пены. Мы, однако, держались курса до двенадцати часов, когда произвели вычисления, елико способны были в условиях того, что вода нас обливала, а море делало бот крайне неустойчивым. В этот день мы оказались на широте 0°58' S, снова перейдя экватор. Мы бросили мысль продолжать хоть сколько-нибудь правильный долготный подсчет, не имея ни телескопа, ни лаглиня. Ветер немного умирился после полудня, но к ночи снова начал дуть почти ураганом. Мы начали теперь опасаться за маленькую барку нашу: она была так худо рассчитана с точки зрения силы, чтобы противостоять волнению моря, что требовался постоянный труд одного человека, чтобы держать ее сухой. После полудня нас окружили дельфины, которые в огромном количестве играли вокруг нас и следовали за нами всю ночь.

24 ноября. С предыдущего дня ветер не утих, и волнение моря поднялось до очень сильного и увеличило, если это еще возможно, крайнее неудобство положения нашего. Более всего прочего к несчастьям нашим добавило то, что все наши усилия по сохранению провианта оказались в большой степени тщетны. Бот неожиданно захлестнула большая волна и повредила часть провизии, прежде чем мы успели ее подхватить. Своевременным уходом и большим тщанием мы, однако, смогли сделать ее съедобной и предохранить от подобного урона остаток. Провиант сделался для нас предметом крайнего беспокойства: ожидание, воистину само по себе скудное, на котором зиждилось окончательное наше спасение, сразу же сменилось бы на совершенную безнадежность, лишись мы провизии, единственного средства поддержания в нас не только физической силы, но и самого рассудка. И с этих пор превыше всего прочего провиант стал для нас предметом забот и усилий наивеличайших.

На следующий день мы выяснили, что в капитанской лодке часть провизии постигла ночью та же участь, оба каковых происшествия послужили к пробуждению в нас еще более сильного чувства скудости надежды на людские силы, что имелись в нашем распоряжении, и указали нам на нашу полную зависимость от божественной помощи, в коей тем больше мы нуждались.

25 ноября. Никакого изменения ветра все еще не случилось, и в прошлую ночь мы претерпели такую же сырую и неприятную погоду, как и в предыдущую. Около восьми часов утра мы обнаружили, что в бот наш стала быстро прибывать вода и в несколько минут ее стало

столько, что мы всерьез встревожились за безопасность нашу. Мы тут же стали искать по всей лодке течь, и, отодрав перекрытие или настил около носа, увидели, что вода проникает через одну из щелей, или наружных бортов, разошедшихся там, и стали измышлять способ починить его. Огромной сложностью было то, что течь находилась в днище бота, примерно в шести дюймах от поверхности воды, следовательно, было необходимо получить доступ к его наружности, чтобы снова его укрепить. Имея течь с подветренной стороны, мы повернули оверштаг, от чего бот почти поднялся над водой. Капитан, который в то время был впереди нас, увидав наши маневры, укоротил парус и вскоре галсами подошел к нам. Я уведомил его о нашем положении, и он немедленно встал рядом для оказания помощи. Приказав всем в лодке собраться на одном борту, мы сильно накренили другой, так что течь оказалась над водой, и тогда нам с небольшими трудностями удалось вогнать несколько гвоздей и закрепить их, немало сверх наших ожиданий. Этим, казалось бы, незначительным происшествием были вызваны необычного свойства страхи. Вспоминая о том, какому легкому судну мы предались – вся безопасность наша состояла единственно в его прочности на многие, по всей вероятности, недели – не стоит удивляться, что небольшое происшествие это не только изрядно подавило дух наш, но и бросило огромную тень на естественные виды на спасение наше. В данном случае нам дало возможность спастись от неизбежной гибели еще и обладание несколькими гвоздями, без которых (не посчастливилось нам спасти их с корабля) мы бы, по всем расчетам, пропали, и мы все еще были подвержены повторению подобного же происшествия или, возможно, даже худшего, поскольку в продолжение нашего путешествия в сильное и постоянное волнение непрочность и слабость лодки нашей будут только возрастать, и ослабление единственного гвоздя в ее днище означает верную смерть нашу. Мы не хотели добавлять это соображение к несчастьям положения нашего.

26 ноября. Наши страдания, видит Бог, значительно возросли, и мы смотрели в мрачное и беспросветное будущее перед нами не без крайнего страха и беспокойства. Сегодня мы ощутили небольшое ослабление ветра и непогоды и получили возможность высушить хлеб, промокший в предыдущий день. К нашей великой радости и удовольствию ветер переменился до ост-норд-оста и дал нам возможность идти много более благоприятным курсом, за этими исключениями, в этот день не было обстоятельств хоть сколько-нибудь значительного интереса.

27 ноября также не было отмечено чем-нибудь, стоящим записи, кроме того, что ветер снова вернулся к осту и уничтожил питавшие нас надежды на несколько дней хорошего хода.

28 ноября. Ветер переменился еще дальше к югу, вынудил нас сойти с курса нашего на зюйд и начал дуть с такой силой, что мы снова встали под короткий парус. Наступила крайне темная и бурная ночь, и мы стали испытывать страх разлуки. Нам, однако, огромными стараниями удавалось держаться примерно в корпусе корабля друг от друга, так, что белые паруса ботов наших были отчетливо различимы. Бот капитана был на малом расстоянии за моей кормой, а второго помощника – в нескольких родах по ветру от него. Примерно в 11 часов ночи, легши спать на дно бота, я был неожиданно разбужен одним из товарищей моих, кричавшим, что капитан терпит бедствие и просит нашей помощи. Я немедленно поднялся и короткое время слушал, не скажет ли он чего-нибудь еще, когда громкий голос капитана захватил мое внимание. Он звал второго помощника, чей бот был к нему ближе моего. Со всей поспешностью я сменил галс, подошел к нему и справился, в чем дело; он ответил: «Я был атакован неизвестной рыбой, и она пробила мой бот». Оказалось, что какая-то крупная рыба сопровождала бот на коротком расстоянии и вдруг без повода напала на него, насколько они могли понять, используя челюсти. Крайняя темнота ночи не дала им распознать породу сего животного, но они сочли, что в длину она около двадцати футов и принадлежит к одному из видов рыб-убийц. Единожды напав на бот, она продолжала кружить вокруг него, словно выказывая намерение возобновить атаку, и во второй раз ударила нос и расколола форштевень. У них

не было другого средства нападения, кроме шприт-шеста (длинного тонкого куса древесины, которым расправляют верх паруса), каковым им и удалось отбиться при неоднократных попытках рыбины разбить судно. Я прибыл как раз тогда, когда она оставила действия свои и исчезла. Она пробила в носовой части изрядную брешь, через которую начала быстро прибывать вода, и капитан, полагая дела значительно худшими, чем они были в действительности, немедленно принял меры к перекладыванию своих запасов в боты второго помощника и меня, имея целью облегчить свой; и этим, а также постоянным вычерпыванием, продержал его на плаву, пока свет дня не позволил ему осмотреть размер урона и устранить его. Ночь была сама темнота, небо было полностью скрыто, и нам казалось, будто судьба без устали преследует нас жестокою цепью несчастий. Мы не лишены были страхов, что рыба когда-нибудь ночью возобновит нападение свое на один из прочих ботов и неожиданно нас погубит, но они оказались совершенно беспочвенны, и больше мы ее не видели. По пришествии дневного света ветер снова несколько нам благоприятствовал, и мы все остановились для починки, каковую и осуществили, прибавив внутри бортовые полосы. И, вернув провизию, продолжили идти прежним курсом. Водный паек наш, который вначале служил лишь для отправления естественных надобностей, стал теперь недостаточен: от потребления провизии, промокшей в соленой воде и высушенной на солнце, мы начали испытывать неистовую жажду. Эту пищу мы вынуждены были есть в первую очередь, чтобы не дать ей испортиться, и мы не могли, нет, не осмеливались хоть как-то посягать на запас воды наш. Решением нашим было терпеть, сколько позволят упорство и выносливость человеческие, имея лишь в виду то облегчение, что ждет нас по окончании промокшей провизии нашей. Чрезвычайные наши страдания здесь только начинались. Лишение воды справедливо стоит в ряду самых ужасных испытаний нашей жизни: жестокость неистовой жажды не имеет подобного себе в списке страданий человеческих. Горькой судьбой нашей было ощутить ее в ее самой крайней степени, когда необходимость впоследствии принуждает нас искать источник в одном из природных отправлениях. Сначала мы не осознавали последствий поедания такого хлеба, и, пока роковые последствия сего не проявились до гнетущей степени, мы и не могли понять причин крайней жажды нашей. Но увы! Облегчения не было. Зная или не зная, равно не имело значения: это была часть нашего пропитания, и рассудок вменил нам в обязанность ее немедленное потребление во избежание полной для нас потери.

29 ноября. Боты наши с каждым днем делались все более хрупкими и слабыми, постоянная течь воды в них, казалось, возрастала, мы не способны были отнести это ни к чему иному, кроме как к общей слабости, проистекающей от причин, которые без лекарства и облегчения должны в короткое время привести нас к полному краху. Мы не пренебрегали, однако, починкой их и латанием, соответственно средствам нашим, когда бы ни обнаруживали сломанную или слабую часть. В этот день мы обнаружили, что нас окружило стадо дельфинов, некоторых, или хотя бы одного из коих мы тщетно пытались долгое время поймать. Мы сделали маленький линь из каких-то снастей, бывших в боте, приделали к нему один из крючков и нацепили белый лоскуток – они не обратили на него ни малейшего внимания, а продолжали играть вокруг нас почти целый день, насмехаясь и над несчастьем, и над усилиями нашими.

30 ноября. Это был замечательно хороший день, непогода не превышала ни одну из тех, что мы видели с тех пор, как оставили обломки. В час пополудни я предложил экипажу лодки нашей забить одну из черепах; двоих из коих мы имели в своем владении. Нечего и говорить, что предложение было встречено с огромным воодушевлением; голод наложил хищные свои угрызения на желудки наши, и мы с нетерпением жаждали высосать из животного его теплую кровь. В панцире черепахи был разведен небольшой костер, и, разделив кровь (коей было около гилля¹²) меж теми, кто был расположен ее пить, мы приготовили оставшееся, внут-

¹² Джилл (гилл, гиль) – мера объема для жидкостей. Данная ед. измерения используется в настоящее время для приготовления алкогольных коктейлей. Британская Имперская система мер для жидкостей: 1 джилл = 1/4 пинты = 5 жидк. унциям

ренности и все остальное, и насладились невыразимо прекрасной трапезой. Желудки двоих или троих при виде крови вывернуло, и они отказались ее отведать – даже неистовая жажда не могла склонить их попробовать ее. Что до меня, я воспринял кровь как лекарство для облегчения крайней сухости неба, и перестал выяснять, есть ли это просто жидкость или что-нибудь иное. После этого, могу сказать, изысканного пира тела наши значительно укрепились, и я почувствовал себя много лучше, чем когда бы то ни было раньше. По вычислениям, в этот день мы оказались на широте $01^{\circ}73'53''$ ю.ш., расстояние от места крушения, насколько мы могли рассчитать, составляло примерно четыреста восемьдесят миль.

1 декабря. С 1 по 3 декабря исключительно ничего не происходило. Лодки наши все еще продолжали замечательно держаться вместе, а погода была отмечена мягкостью и целебностью. Мы находили также утешение в благоприятном взятом ветром направлении на норд-ост, и положение наше не было в ту минуту, думали мы, таким безрадостным, каким мы его считали сначала. Но в сумасбродных наших славословиях ветру и воде мы позабыли о наших течах, о наших слабых лодках, о нашей собственной слабости, о колоссальном расстоянии до земли, о скудости запаса провизии нашего; все это, придя на ум с заслуживающей его силой, было бы слишком хорошо рассчитано на то, чтоб лишить нас воли и заставить вздыхать о тяготах доли нашей. Вплоть до 3 декабря бешеная жажда наших уст почти ни в коей степени не облегчалась – если б не муки, которые мы от этого испытывали, в этот час хорошей погоды мы вкушали бы даже род удовольствия, вызванного временным забвением настоящего положения нашего.

3 декабря. С великой радостью приветствовали мы последнюю крошку испорченного хлеба нашего и стали с того дня принимать здоровую пищу. Целебное и приятное действие этой замены ощущалось сначала в столь слабой мере, что не давало нам большого повода к успокоению или утешению, однако постепенно, по мере приема малого водного довольствия нашего, влага стала накапливаться в наших ртах, и палящий жар неба незаметно покинул их. Здесь случилось происшествие, вызвавшее у нас минутный приступ тревоги. Ночь была темной, а небо полностью затянутым, так что мы едва различали лодки друг друга, когда примерно в десять часов бот второго помощника вдруг пропал. На мгновение я испытал изрядную тревогу от его неожиданного исчезновения, но по краткому размышлению сразу же лег в дрейф, как можно скорее зажег свет и поднял в фонаре на топ мачты. Наши взгляды устремились в поисках бота по всему океану, и, к великой радости нашей, мы различили ответный огонь примерно в четверти мили по ветру. Мы устремились к нему, и это оказалось потерянным ботом. Странно, откуда берется необычайный интерес, который мы находили в компании друг друга, и как нерасположение наше к разлуке может нас ослабить – это было предметом постоянных надежд и страхов наших. Истинно отмечено, что несчастье сильнее, чем что-либо иное, служит к расположению к себе товарищей своих. Так крепко пристало отношение к чувствам нашим, и так тесно были невольно связаны судьбы наши, что, потерпи крушение один бот, исчезни он целиком, со всею провизией и водой, мы почитали бы себя обязанными всеми узами человечности взять выживших страдальцев в прочие лодки и делить с ними хлеб и воду до последней крошки первого и последней капли второй. Поистине, это был бы случай, тяжелый для всех, и сколь я ни размышлял с тех пор об этом, я не мог вообразить, случись такое, чтобы осознание нужд наших не дало бы чувствам нашим оказать столь великодушное и преданное действие. Я говорю только о тех тогдашних впечатлениях, которые помню. В дальнейшем, однако, когда положение наше становилось все яснее и отчаяннее, беседы об этом приняли другой оборот, и всеобщим настроением стало считать, что такое поведение, только уменьшило бы возможности окончательного освобождения для немногих и явилось бы лишь способом предать все души ужасной голодной смерти. Почти нет вопроса

= 8,670 куб. дюймов = 142,0653125 мл \approx 0,142 л (дм³) = 1,2 америк. джилла. Американская система мер для жидкостей: 1 джилл = 1/4 пинты амер. = 4 жидк. унциям амер. = 118,29411825 мл \approx 0,118 л (дм³) = 5/6 импер. джилла.

в том, что немедленное разъединение было бы мерой самой разумной, какую только можно было предпринять, и что каждому боту следовало бы искать свой отдельный шанс: случись какое-нибудь происшествие той природы, о которой говорилось выше, покуда мы оставались вместе, ничего не оставалось бы сделать, кроме как взять выживших в другие лодки и добровольно отказаться от того, что, как мы признаем, единственно могло бы продлить надежды и умножить шансы к безопасности нашей, или же стать безразличными свидетелями их борьбы со смертью, возможно, силой оружия выкинуть их из лодок наших обратно в океан. Надежда достигнуть земли была основана на разумных расчетах расстояния, сил, средств и продовольствия – и всего этого было изрядно мало. И, видит Бог, даже то, что было, плохо подходило к вероятным нуждам путешествия. Любая добавка к потреблению нашему в этом отношении не только вредила, но и, по сути дела, уничтожала весь составленный план, и доводила нас лишь до слабой надежды, происходящей либо от скорой смерти кого-нибудь из экипажа нашего, либо от случайной встречи с каким-нибудь судном. При всем при том нас, однако, притягивало отчаянное влечение, мы не могли хоть сколько-нибудь удовлетворительно объяснить себе это, и все равно по невольному крепкому побуждению продолжали цепляться друг за друга. Это ведь было делом немалой трудности и более всего остального составляло источник постоянной тревоги и беспокойства. Иными темными ночами стоило нам отвести глаза долее, чем на несколько минут, как один из ботов пропадал. Не было другого средства, кроме как немедленно лечь в дрейф и зажечь свет, привлекавший к нам исчезнувшую лодку. Эта процедура неизбежно являла собою весьма большую помеху скорости нашей и таким образом уменьшала наши надежды, но мы предпочитали ее проходить, поскольку последствия ее ощущались не так незамедлительно, как потеря утешения, даруемого дружеским присутствием. 4 декабря ничего важного не произошло, а 5-го ночью из-за совершенной тьмы и сильного ветра я снова отлучился от других лодок. Обнаружив, что их нигде не видно, я зарядил пистоль свой и дважды выстрелил из него. Вскоре после второго разряда они появились на коротком расстоянии к ветру, и мы соединились и продолжили курс свой, которым следовали без примечательных событий 6 и 7 декабря. Ветер в это время был очень сильным и, по большей части, неблагоприятным. Наши боты продолжали протекать и набирать по многу воды над планширями.

8 декабря. После полудня в этот день установился и начал дуть ост-зюйд-ост с такой силой, каковой мы еще не встречали. К двенадцати часам ночи он усилился до совершенного урагана с сильным дождем, и мы начали по грозным признакам этим готовиться к гибели. По мере постепенного возрастания бури мы продолжали понемногу укорачивать парус, пока, наконец, не стали вынуждены вообще снять мачты. В эту минуту мы целиком отдались на милость волн. Море и дождь промочили нас до костей, и мы молча, с угрюмой покорностью, сидели, ожидая судьбы нашей. Мы попытались уловить немного пресной воды, развернув один из парусов, но, проведя так долгое время и заполучив в ведро лишь немного ее, обнаружили, что она столь же соленая, что в океане: это мы отнесли к тому, что она прошла через парус, который так часто намокаем был морем и высушиваем солнцем, что на нем образовались соленые камни. Это была ужасная ночь – даже в мыслях наших лишенная облегчения – ничего не оставалось, кроме как ожидать судьбы нашей с твердостью и покорностью. Небеса были темными и тоскливыми, а распростертая по лику вод чернота – мрачной превыше всякого описания. Тяжелые порывы ветра, быстро сменяющие друг друга, предварялись острыми вспышками молний, казалось, охватывающими наш маленький баркас пламенем. Море поднималось до ужасной высоты, и каждая приходящая волна казалась последней, предназначенной к нашей гибели. Всесильным Провидением единственно объясняется спасение наше из ужасов той жестокой ночи. Ни за чем иным признать этого нельзя: как иначе такую крупицу материи, как мы, можно было безопасно провести мимо ревущего ужаса бури. В двенадцать часов начало понемногу стихать по-на две-три минуты, в течение которых мы осмели-

вались поднимать головы наши и смотреть в направлении ветра. Наш бот был совершенно неуправляем: без ветрил, мачты и руля, его увело в течение дня и ночи неизвестно ни куда, ни как далеко. Когда ураган в какой-то мере утих, мы постарались поставить на него парус и направить по курсу, которого придерживались. Мои товарищи не спали всю ночь и были подавлены и сломлены до такой степени, что, кажется, нуждались в каком-то более сильном, нежели страх смерти, побуждении исполнять обязанности их. Великими усилиями, однако, к утру мы снова поставили двухрифовый грот и кливер на него и начали сносно продвигаться. Необъяснимо добрая судьба сохранила лодки вместе во время всех ночных бед: и поднялось солнце, и еще раз безутешные лица товарищей наших показались друг другу.

9 декабря. К двенадцати часам мы смогли поставить все паруса, как обычно, но продолжалось очень сильное движение моря, открывшее швы бота и увеличившее течи до тревожной степени. Против этого, однако, не было средства, кроме постоянного вычерпывания, которое теперь превратилось в крайне тяжелый и утомительный труд. Вычисления показали, что мы находимся на широте 17°40' S. В одиннадцать часов ночи вдруг обнаружилось, что пропал бот капитана. После последнего происшествия такого рода мы договорились, что если подобное случится впредь, то, чтобы сохранить время наше, другие лодки не лягут в дрейф, как обычно, а продолжают идти курсом своим до утра и тем самым сберегутся от простоя, порождаемого частыми этими задержками. Мы, однако, порешили в данном случае приложить небольшие усилия, которые не будем длить, а снова поставим парус, если они не принесут немедленного результата в возвращении пропавшего бота. В соответствии с этим мы легли в дрейф на час, в течение которого я дважды разрядил пистоль, и, не получив известий о лодке, пошли прежним курсом. Когда пришел свет дня, она была под ветром от нас, примерно в двух милях; увидев ее, мы немедленно снизили темп и снова соединились.

10 декабря. Я не упоминал о постепенном наступлении, которое голод и жажда предприняли на нас в последние шесть дней. Со временем, прошедшим с отбытия, скудный паек наш делал требования аппетита с каждым днем настойчивее, они создали в нас почти непреодолимое искушение нарушить свое решение и разом удовлетворить желания естества из запаса нашего, но малейшее размышление смогло убедить нас в опрометчивости и малодушии сей меры, и, печально сляясь выполнять долг свой, мы его оставили. Я принял на хранение, с общего согласия, всю провизию и воду лодки нашей, и твердо решил, что без моего согласия никаких посягательств на них свершаться не будет; более того, я был готов во исполнение этой обязанности при всем велении разума, благоразумия и осмотрительности, без которых в моем положении все прочие усилия были бы сами по себе глупостью, защищать их, рискуя собственной жизнью. Для этого я запер все в моем сундуке и никогда, ни на мгновение, не смыкал глаз, не имея какого-нибудь своего члена в соприкосновении с ним, и всегда держал при себе заряженный пистоль. Конечно, пока существовали надежды на мирный исход хоть самые отдаленные, я не собирался пускать его в ход и решил, что в случае выказывания хоть какой-то строптивости (что, я полагал, вполне могло стать меж такими голодающими бедолагами, как мы) немедленно распределю довольствие наше в равных долях и каждому дам его часть на личное сохранение. Далее, случись покушение на долю, какую я выделю себе сообразно нуждам, лишь тогда я решился сделать последствия сего фатальными. Всеми в лодке, однако, было проявлено в этом отношении поведение самое прямое и послушное, и у меня не было ни малейшей возможности проверить, как бы я себя вел при такой оказии. В тот день, придерживаясь своего курса, мы наткнулись на мелкую стаю летучих рыб, из коих четыре, в попытках своих избежать нас, налетели на грот и свалились в бот. Одну, упавшую близ меня, я охотно схватил и пожрал, другие три были немедленно схвачены остальными и съедены заживо. В первое мгновение я склонен был здесь улыбнуться, видя смехотворные и почти безнадежные попытки пятерых товарищей моих, каждый из которых искал схватить рыбу. Для своей породы они были весьма малы, и для таких голодных желудков, как наши, только и представляли,

что единственный кусок самый утонченный, чешую, крылья, и все. С одиннадцатого по тринадцатое декабря включительно продвижение наше было очень медленным из-за штилей и слабых ветров, и ничего не происходило, если не считать, что одиннадцатого мы забили последнюю оставшуюся черепаху и насладились еще одной пышной трапезой, коя укрепила тела наши и придала свежести духу. Погода была чрезвычайно жаркой, и мы подвержены были всей силе полуденного солнца, не имея ни укрытия, защищавшего нас от его жгучего влияния, ни малейшего дуновения ветра, чтоб охладить палящие лучи его. В тринадцатый день декабря мы были осчастливлены переменой ветра на север, что принесло нам облегчение самое желанное и неожиданное. Нынче мы в первый раз ощутили то, что могли бы почитать за разумную надежду на спасение наше, и с сердцем, скрепленным довольством, и душой, преисполненной радости, мы поставили все паруса на восток. Мы полагали, что вышли из зоны пассатов, добрались до переменных ветров и должны, по всей вероятности, достичь земли на много дней ранее, чем ожидали. Но увы! Предположение наше было только сном, из которого нас вскоре жестоко изгнали. Ветер постепенно стих, и ночью его сменил штиль совершенный, тем сильнее нас подавивший и приведший в уныние, чем радужнее надежды приходили к нам днем. Мрачные раздумья, порожденные злой этой судьбой, сменились другими, не менее жестокой и лишающей духа природы, когда мы обнаружили, что штиль продолжается четырнадцатого, пятнадцатого и шестнадцатого декабря включительно. Крайняя духота погоды, внезапное и неожиданное крушение надежд наших и последующее уныние духа снова заставили нас призадуматься и наполнили души предчувствиями, наполненными страхом и грустью. В таком состоянии дел, не видя оставшегося нам другого выбора, кроме как пользоваться лучшими в положении нашем средствами, я предложил четырнадцатого уменьшить наше довольствие в пище наполовину. К сей мере я не встретил возражений: все подчинились или сделали вид, с замечательной силою характера и выдержкой. Соотношение наших запасов воды к хлебу было невелико, и покуда погода была столь душной, мы не сочли благоразумным уменьшать скудное жалованье наше, да и едва ли возможно было это сделать с хоть каким-нибудь учетом надобностей наших, в то время как жажда наша стала теперь бесконечно менее выносима, чем голод, и количества воды едва хватало на то, чтобы в горле не было сухо хотя бы треть времени. «Упорство и долготерпение» были постоянны на устах наших и решимость всех сил души цепляться за существование, пока надежда и дыхание остаются в нас. Напрасны были все попытки облегчить яростный жар горла питьем соленой воды и удержанием малого ее количества во рту, пока таким способом жажда не достигала такой степени, что доводила нас до отчаянного, но тщетного облегчения от собственной мочи нашей. Наши страдания в те безветренные дни почти достигли границ веры человеческой. Жаркие лучи солнца так нас истомили, что для того, чтобы охладить слабые тела наши, мы вынуждены были переваливаться в море через планширь. Этот способ давал нам, однако, приятное облегчение, и помог сделать открытие важности для нас бесконечной. Как только один из нас попал за планширь, он сразу же заметил, что дно бота покрыто таким видом небольших моллюсков, который, будучи попробованным, оказался едой самой вкусной и приятной. Как только нам об этом объявили, мы в несколько минут стали обрывать их и есть, как некое сборище обжор, и, удовлетворив немедленное требование желудка, мы собрали их большие количества и разложили на лодке; но голод снова напал на нас меньше, чем в полчаса, в кои все и исчезло. Попытавшись добыть их снова, мы поняли, что так слабы, что нуждаемся в помощи друг друга. И в самом деле, не будь у нас в экипаже троих, умеющих плавать, и поэтому могущих выбраться за борт, не знаю, как бы мы возобновили положение свое в лодке.

Пятнадцатого наша лодка продолжала набирать воду из течей так быстро, и погода оказалась такой умеренной, что мы решили произвести обыск слабых мест и починить их хорошо, елико возможно. После изрядного поиска и удаления настила в носовой части мы обнаружили, что главная щель оказалась следствием расшатанной доски или обшивки в днище бота, рядом

с килем. Чтоб исправить это, абсолютно необходимо было иметь доступ ко дну. Как его получить, не сразу пришло нам на мысль. После минутного размышления, однако, один из команды, Бенджамин Лоренс, предложил обвязаться веревкой, взять в руку лодочный топорик и с ним уйти под воду, и держать топорик напротив гвоздя, забиваемого изнутри, с тем, чтобы заклепать его. Все это, соответственно, возымело действие, с небольшими трудностями, и ответило цели гораздо выше ожиданий наших. Мы в тот день были на широте $21^{\circ}42' S$. Духота погоды нашей продолжалась в течение всего шестнадцатого, действуя на наши здоровье и дух с изумительной силой и тяжестью. Она произвела волнения самые неприятные, которые, добавившись к неутешительной длительности штиля, громко взывали к умягчительным действиям – своего рода облегчению продолжающихся страданий наших. Сегодняшние наблюдения показали, вдобавок к прочим бедам нашим, что волнение моря отнесло нас назад противу движения нашего на расстояние в десять миль, притом все еще не ожидалось никакого ветра. В такой огорчительной обстановке дел наших капитан предложил, чтоб мы начали грести, на чем, будучи всеми поддержаны, мы порешили выдавать двойной паек еды и воды и грести в ночной прохладе, пока не подует ветер, с той части света или иной. Соответственно, когда пришла ночь, мы начали утомительную работу нашу: продвинулись очень жалко. Голод, жажда и длительное бездействие так ослабили нас, что за три часа каждый обессилел, и мы оставили дальнейшее исполнение намеренья этого. С восходом на следующее утро, семнадцатого, возник легкий зюйд-ост, и, хотя и противный, он был встречен почти безумными чувствами благодарности и радости.

18 декабря. Ветер в этот день существенно окреп и к двенадцати часам превратился в шторм, изменившись с зюйд-оста до ост-зюйд-оста. Мы снова были вынуждены укоротить все паруса и лечь в дрейф на большую часть дня. Ночью, однако, он утих, и на следующий день, девятнадцатого, была очень умеренная и приятная погода, и мы снова начали полегоньку продвигаться.

20 декабря. Это был день великого счастья и радости. Проведя одну из самых тревожных ночей во всем каталоге наших страданий, мы проснулись в утро сравнительно роскошное и приятное. Около 7 часов, когда мы сидели в лодках наших в унынии духа, молчании и угнетении, один из товарищей наших внезапно и громко крикнул «Земля!» Мы все тут же поднялись, как наэлектризованные, и кинули взгляды в подветренную сторону, где и в самом деле пред нами явилось благословенное видение, «такое явное и осязаемое», как только можно пожелать. Новый и незаурядный порыв овладел нами. Мы стряхнули вялость чувств наших, и, казалось, обрели иное, и свежее, существование. Один или двое из товарищей моих, чей усталый дух и изношенное тело начали внушать им полное безразличие к их судьбе, теперь сразу же просветлели и выразили удивительную готовность и искренность без промедленья достичь весьма желанного берега. Сначала явился низкий, белый отлогий берег, он лежал, как парадиз, перед жаждущими глазами нашими. Почти в то же самое время он был обнаружен другими лодками, и всеобщая вспышка радости и ликования охватила нас. Не может простой человеческий расчет слушателя этой истории постичь чувств сердец наших при этом случае. Ожидание, страх, благодарность, удивление и ликование поочередно владели мыслями нашими и ускоряли усилия наши. Мы устремились к нему, и в 11 часов пополудни были в четверти мили от берега. Это был остров, по видимости, как мы могли определить, примерно в шесть миль длиной и в три шириной, с очень высоким, изрезанным берегом, и окруженный скалами, склоны гор были голы, но вершины их казались цветущими и зелеными от растительности. Проверив свои атласы, мы выяснили, что это остров Дуци¹³, лежащий на широте $24^{\circ}40'52''$ ю.ш. и долготе $124^{\circ}47'07''$ з.д. Для размышления хватило краткого мгновенья, и мы стали приготавливаться

¹³ То, что Чейз принял за остров Дюси (Ducie, координаты $24^{\circ}40'52''$ ю.ш. $124^{\circ}47'07''$ з.д.), оказалось на самом деле островом Хендерсон (Henderson, координаты $24^{\circ}21'$ ю.ш. $128^{\circ}19'$ з.д.) Оба острова лежат в архипелаге Питкэрн.

к высадке. Никто из нас не знал, ни обитаем ли этот остров или нет, ни что на нем есть, если есть; если обитаем, неясно было, зверями или дикарями. Мелькнула минутная тревога об опасностях, кои могли проистечь от действий без должной подготовки и осторожности. Голод и жажда, однако, вскоре сделали выбор за нас, и, взяв мушкет и пистолы, я с тремя другими произвел высадку на некие подводные скалы и прошел оттуда вброд до берега. Прибыв на берег, необходимо было немного передохнуть, и мы на несколько минут легли, чтобы дать отдых слабым телам нашим, прежде чем могли продолжать. Пусть читатель судит, если может, каковы были наши ощущения! Лишенные всех достаточных надежд к жизни на протяжении тридцати дней ужасных страданий – тела наши истощились от голода и жажды до сухих скелетов, и сама смерть смотрела нам в лицо – внезапно и неожиданно препровождены на богатый пир еды и питья, которые мы впоследствии к нашему полному удовлетворению вкушали несколько дней. Прочитав эти слова, читатель получит лишь слабое представление о том счастье, что выпало на долю нашу. Через несколько минут мы разделились и пошли в разных направлениях в поисках воды, недостаток коей был нашим главным лишением и вызвал к немедленному избавлению. Не прошел я далеко в своей вылазке, как обнаружил рыбину длиной в полтора фута, плавающую близ берега. Я напал на нее и ударил, думаю, единожды, казенной частью оружия своего, и она уплыла под камень, что лежал у берега, откуда я достал ее с помощью шомпола и вытащил на берег, и немедленно стал есть. Товарищи мои вскоре присоединились к трапезе, и меньше, чем в десять минут, все было истреблено – кости, и кожа, и чешуя, и все. С полными желудками, мы воображали, что можем теперь попытаться взобраться на горы, где, как ни в какой иной части острова, вероятнее всего рассчитывали мы раздобыть воды.

Соответственно этому я с чрезмерным трудом, страданиями и муками, вскарабкался по кустам, корням и подлеску на один из утесов, тщетно оглядываясь по всем сторонам, где бы мог явить себя какой-нибудь признак воды. На расстоянии, до которого я добрался, не нашлось ни малейшего указания на влагу, хотя мои силы и не позволили мне залезть выше, чем примерно на 20 футов. Я сел на достигнутой высоте, чтоб немного перевести дух, и размышлял о бесплодности поиска моего и о последующих бедах и продолжении страданий, с необходимостью отсюда вытекающих, как заметил, что прилив с момента нашей высадки значительно поднялся и угрожал отрезать отступление наше к скалам, по которым только и могли мы вернуться на лодки наши. Поэтому я решил снова пойти к берегу, уведомить капитана и прочих о нашей неудаче в поисках воды и посоветоваться относительно уместности дальнейшего пребывания нашего на острове. Я ни на мгновение не терял из виду главную возможность, кою, я полагал, мы имели: либо достичь острова, либо встретить на море какое-нибудь судно. Я чувствовал, что любое минутное промедление, лишенное равного возмещения, уменьшает эти шансы из-за потребления довольствия нашего. Когда я спустился, один из товарищей моих сообщил мне, что нашел место в скале на таком-то расстоянии, откуда малыми каплями сочилась вода, в промежутках примерно в пять минут, так что он, приложив к скале губы, добыл ее немного, но она только разожгла аппетит его и не принесла ни малейшего удовлетворения. Я немедленно решил про себя на основе этих сведений предложить остаться до утра, чтобы произвести на другой день более тщательный поиск и своими топориками расколоть новооткрытую скалу, имея в виду увеличить, если возможно, ток той воды. Мы все снова прибегли к лодкам нашим и там выяснили, что у капитана сложилось такое же впечатление об уместности нашей задержки до утра. На сем мы высадились и, вытащив лодки наши на берег, лежали в них в ту ночь, свободные от всех тревог бдения и труда, и предались посреди всех страданий наших ничем не ограниченному забытию и покою ума, которые казались такими согласными с предвкушениями, которые принес этот день. Не прошло и короткого времени, однако, как нас прервало утро – и чувство, и ощущение, и угрызения голода, и яростный жар жажды удвоили тогда желания и усилия мои снова исследовать остров. В ту ночь мы добыли немного крабов,

пройдя по острову на значительное расстояние, и немного очень мелких рыб, но ждали следующего дня, лучшей подготовкой для трудов коего считали ночь освежающего и покойного отдыха.

21 декабря. Мы все еще сохранили наше обычное довольствие, но оно совсем не отвечало цели обеспечения буйных требований неба; создалась жажда такая чрезмерная и жестокая, что почти лишила нас дара речи. Губы потрескались и распухли, и во рту собирался род клейкой слюны, противной на вкус и невыразимо нестерпимой. Наши тела истощились почти до кожи и костей и были так слабы, что часто нам требовалась помощь друг друга, чтобы выполнять простейшие действия. Облегчение, стали мы понимать, должно вскоре прийти, или же прекратится естество наше. В отношении провизии нашей все еще поддерживалась полнейшая дисциплина, и всей целью нашей стало, если мы не сможем пополнить на острове наше пропитание, то добыть тем или иным образом достаточно воды, чтобы продолжать путешествие наше.

В соответствии с этим наши поиски воды начались снова с утром: каждый из нас взял себе направление и проверял всякое место, где было на нее хоть малейшее указание. Бывшие на острове листочки кустарника, от жевания во рту дающие временное облегчение и чуть больше обычного горчащие, были ее заменой чрезвычайно приятной. В ходе наших изысканий вдоль склонов горы мы также то и дело встречали тропических птиц чудесного облика и расцветки, занимающих норки по ее склонам, откуда мы их вытаскивали без малейших затруднений. При приближении нашем они не делали попыток улететь и вообще, кажется, не замечали нас. Эти птицы служили нам отличной трапезой, многие из них были пойманы в течение дня, изжарены на костре, сложенном на берегу, и съедены с величайшей жадностью. Также мы нашли растение, по вкусу похожее на клоповник, в изрядном изобилии растущее в скальных расщелинах, которое оказалось очень сносной едой, если жевать его с птичьим мясом. Все это, вместе с гнездами, иные из коих полны были птенцами, а прочие яйцами, таких мы несколько нашли в течение дня, служило нам пищей, и замещало нам хлеб, от пользования коим во время нашего пребывания здесь мы воздерживались. Но воды, великой цели всех беспокойств и усилий наших, нигде мы не находили и начали отчаиваться встретить ее на острове. Состояние крайней слабости нашей и отсутствие у многих обуви или иной одежды для ног не позволяли нам удаляться на большое расстояние, ибо из-за некой внезапной слабости или переутомления мы могли не вернуться, а ночью подвергнуться нападению диких зверей, возможно, населяющих этот остров, и не быть способными к сопротивлению без той слабой помощи, которую в противном случае могли бы друг другу оказать. Целый день был проведен таким образом – в собирании всего, что имеет съедобный вид или качества пищи – перед нами вставала еще одна ночь невзгод, без капли воды, чтоб охладить пересохшие языки наши. При таком состоянии дел мы не могли примирить себя с тем, чтобы долее оставаться на сем месте: день, и час, напрасно потерянный здесь, мог стоить нам спасения нашего. Капля воды, что была тогда в распоряжении нашем, могла, в последней нашей слабости, стать для нас самой жизнью. Я обрисовал суть размышлений моих капитану, который согласился со мной во мнении о необходимости предприятия решительных шагов в настоящей дилемме. После серьезного разговора на эту тему окончательно было решено потратить следующий день на дальнейшие поиски воды, и, если ничего не будет найдено, следующим утром покинуть остров.

22 декабря. Прошлой ночью мы были заняты разнообразными делами сообразно чувствам или нуждам людей: кто продолжал бродить по берегу или на малое расстояние в горы, все еще в поисках еды и воды, иные торчали на берегу у кромки моря, пытаясь поймать плавающих там рыб. Кто спал, нечувствительный ко всякому ощущению, кроме отдыха в то время как иные провели ночь в разговорах о положении своем и рассуждениях о возможностях на свое спасение. Рассвет дня снова поднял нас к трудам, и каждый из нас в поисках воды следовал собственному влечению. Главная надежда моя основывалась на успехе моем в отыс-

кании скал, где днем раньше была обнаружена влага, куда я и поспешил быстро, елико позволяли мне силы мои. Это было примерно в четверти мили от того, что я могу назвать лагерем нашим, и с двумя другими сопровождающими меня я приступил к работе моей с топориком и старым долотом. Камень оказался очень мягким, и в очень короткое время я проделал изрядное отверстие, но – увы! – без малейшего желаемого следствия. Я с величайшим беспокойством следил за ним некоторое краткое время, надеясь, что по мере увеличения глубины вода потечет, но все мои надежды и усилия были бесплодны, и, наконец, я воздержался от дальнейшей работы и опустился на камни в последнем отчаянии. Повернув взгляд к берегу, я увидел, что некие люди несут от лодок бочонок с необычайным, подумал я, воодушевлением и живостью. И в голове моей мелькнула мысль, что они нашли воду и взяли бочонок для наполнения. В ту же минуту я оставил свое место и со всех ног с бьющимся сердцем поспешил к ним, и не успел я к ним подойти, как они, ликуя, сообщили мне новость: они нашли источник воды. В то мгновение я хотел пасть ниц и возблагодарить Бога за такое явление милости своей. Чувство, мной испытанное, было воистину необычным, и я никогда его не забуду. В одно мгновение я почти задохнулся от избытка радости, в другое мне требовалось облегчение от потока слез. Когда я прибыл на то место, куда спешил столь быстро, сколь слабые ноги мои могли нести меня, я обнаружил, что товарищи мои все напились вдоволь, и я удовлетворил себя с чрезвычайной выдержкой, выпивая по малому количеству воды в промежутки по две-три минуты. Многие, несмотря на протесты благоразумия и, в некоторых случаях, смысла, легли и бездумно глотали огромные ее количества, покуда не могли уже больше пить. Следствие этого не было, однако, ни так стремительно, ни так дурно, как мы воображали: вода только сделала их до окончания этого дня туповатыми и вялыми.

Осмотрев место получения столь чудесной и неожиданной помощи, мы были равно изумлены и восхищены его открытием. Оно было на берегу, над коим на глубине примерно шести футов стояло море; и мы, следственно, могли добыть воду только во время отлива. Щель, из которой она вытекала, располагалась в плоской скале, обширная поверхность которой простиралась вокруг и составляла поверхность отлогого берега. До наступления прилива мы успели наполнить два бочонка и вернулись к лодкам нашим. Остаток того дня был проведен в поисках рыбы, крабов, птиц и всего прочего, что могло попасться на пути нашем и поспособствовать удовлетворению appetitов наших. В ту ночь мы наслаждались сном самым уютным и восхитительным, не сопровождаемым теми жестокими муками голода и жажды, что отравляли забытые наше столько предыдущих ночей. С обнаружения воды также начали мы выражать разные точки зрения обо всем положении нашем. Не было сомнений, что мы могли продержаться здесь на постоянных и обильных запасах столь долго, сколь выберем остаться, и, по всей вероятности, могли бы добывать пищу до тех пор, пока не придет на остров какое-нибудь судно, или время не предоставит нам измыслить других средств, как его покинуть. Лодки наши все еще оставались при нас: остановка здесь могла позволить нам починить, выправить и привести их в порядок, более совершенный для моря, и отправиться укрепленными настолько, чтобы выдержать, если необходимо, еще более затяжное плавание к большой земле. Я молчаливо решил внутри себя, что буду следовать примерно такому плану, каково бы ни было мнение остальных; но я не нашел расхождения во взглядах на это дело ни с кем из нас. Поэтому мы заключили остаться по крайней мере на четыре-пять дней, коего времени было бы достаточно понять, разумно ли делать какие-либо приготовления к постоянному здесь обитанию.

23 декабря. В 11 часов утра мы снова посетили источник наш: вода отступила примерно на фут ниже него и, покуда снова не поднялась, мы сумели получить около двадцати галлонов воды. Сначала она была несколько солоноватой, но вскоре опреснела от постоянной подпитки из скалы и отступления моря. Наблюдения наши в то утро уверили нас в ее качестве и количестве, и мы, следственно, совершенно относительно нее успокоились и приступили к дальней-

шим изысканиям на острове. Каждый сам исследовал, какое пропитание могли ему дать горы, берег или море, и каждый день во все время тамошнего пребывания нашего все время было занято скитаниями в поисках еды. Мы обнаружили, однако, двадцать четвертого, что обообрали на острове все, что можно было использовать в качестве пищи, и к великому нашему удивлению некоторые приходили и жаловались ночью на недостаточность добытого для удовлетворения требований желудка днем. Все доступные части горы, ближней к нам или в пределах достижимости слабого предприятия нашего, были уже обысканы относительно птичьих яиц и травы и полностью разорены, так что мы начали испытывать серьезные опасения, что не сможем прожить тут долго. В любом случае с тем, чтобы как можно лучше подготовиться, заставь необходимость нас уйти, мы начали двадцать четвертого починять лодки наши и продолжали работать над ними весь этот и следующий день. Мы делали это с большой легкостью, вытаскивая их на берег и перевернув, работая по два-три часа за раз, а потом отдаляясь в поисках еды. Воду мы добывали ежедневно, когда отлив освобождал берег, а вечером двадцать пятого обнаружили, что бесплодные поиски пропитания в течение всего дня не принесли нам плодов. На острове не было ничего, на что мы могли бы хоть в малейшей степени положиться, кроме клоповника, но и того запас был непрочен и несъедобен без какой-либо иной еды. Положение наше здесь, следственно, стало хуже, чем было бы в океане в лодках наших, потому что в последнем случае мы еще могли бы продвигаться к земле, пока есть провизия, а также изрядно возростала возможность встречи с каким-нибудь судном. Было очевидно, что без крепкой уверенности в достаточности пропитания нам не следует тут оставаться, а также что полагаться можно только на привычные запасы. По долгому обсуждению этого вопроса и новой проверке наших атласов решено было в итоге пуститься в плавание к острову Пасхи, который мы обнаружили на ост-зюйд-осте от нас на широте $27^{\circ}07'00''$ ю.ш. и долготе $109^{\circ}21'00''$ з. д... Все, что мы знали об этом острове – что он существует и нанесен на карты, но относительно его протяженности, плодородия и обитателей (если таковые есть), мы были совершенно невежественны. В любом случае, он был на восемьсот пятьдесят миль ближе к земле, а его плодородие не могло быть хуже, чем у оставляемого нами острова.

Двадцать шестое декабря было целиком занято приготовлениями к отбытию нашему, наши лодки были спущены в близости от источника, а бочки и все, что только можно было, наполнены водой.

Изрядный разговор произошел меж тремя товарищами нашими о том, что они остаются на острове и будут искать возможности и жизни, и спасения с него, и когда время приблизилось к уходу нашему, они решились отстать. Остальные не имели возражения к замыслу их, потому что он уменьшал загрузку наших ботов, оставлял нам их долю провизии и вероятность того, что они продержатся на острове, была куда выше той, что мы достигнем большой земли. По достижении ее, однако, нашим долгом стало бы, и в этом мы их уверили, рассказать об их местоположении и сделать все возможное, чтобы обеспечить их спасение отсюда, что мы, соответственно, впоследствии и сделали.

Их звали Вильям Райт из Барнстабля (Массачусетс), Томас Чепль из Плимута (Англия) и Сет Викс из первого из этих мест. До того, как мы ушли, они начали строить род обиталища, состоящий из ветвей деревьев, и мы оставили им все, без чего могли обойтись в лодках. Их намерением было построить изрядное жилище, могущее защитить их от дождей, сколь позволит им время и материал. Капитан написал и оставил на острове письма с рассказом о судьбе корабля и своей собственной и сообщением, что мы направляемся к острову Пасхи, с самыми подробностями, призванными дать знать (если товарищи по несчастью наши здесь погибнут, а на остров прибудет какой-нибудь корабль) о наших испытаниях. Эти письма положили в жестяной футляр, заключенный в деревянный ящик, и прибили к дереву на западной стороне острова, близ места высадки нашей. За несколько дней до сего мы заметили название корабля, «Елизавета», вырезанное на коре этого дерева, что делало несомненным, что корабль

сей когда-то сюда подходил. Не было, однако, даты или чего иного, откуда можно было извлечь дальнейшие подробности.

27 декабря. Этим утром, перед тем, как мы поставили паруса, я пошел и принес в каждый бот по плоскому камню и по две охапки древесины для розжига огня в них, возникни такая необходимость в ходе дальнейшего путешествия нашего. Мы рассчитывали, что можем поймать рыбу или птицу, и на этот случай обеспечили себя средствами ее приготовления, мы понимали, что в противном случае не смогли бы предохранить ее от порчи из-за сильного жара погоды. В десять часов утра прилив поднялся достаточно высоко, чтобы боты могли переплыть через камни, мы поставили паруса и пошли вокруг острова, чтобы дополнительно его обследовать, детально мы не были с ним знакомы, и, возможно, какой-нибудь неожиданно счастливой судьбой он мог оказаться плодородным. Перед отплытием мы не видели трех товарищей наших и поняли, что они не пришли ни помочь нам отправиться, ни каким-нибудь образом с нами проститься.

Я пошел по берегу ко грубому их жилищу, и сообщил им, что мы отплываем, и, вероятно, никогда больше их не увидим. Казалось, они очень тронуты, и один из них прослезился. Они хотели, чтоб мы написали их родственникам, случись Провидению безопасно направить нас обратно к домам нашим, и больше почти ничего не сказали. Они были совершенно уверены, что смогут прокормиться здесь все оставшееся время. Увидев, что у них болит сердце как-нибудь с нами прощаться, я поспешно сказал им «до свидания», надеясь, что у них все будет хорошо, и ушел. Они следили за мной глазами, пока я не исчез из виду, и больше я никогда их не видел.

С норд-веста острова мы заметили отличный белый пляж, на котором, решили, что можем высадиться и за короткое время понять, можно ли произвести какие-нибудь дальнейшие полезные исследования или добавить что-нибудь к запасу провизии нашему. Высадив с этой целью пятерых или шестерых, оставшиеся встали на якорь и стали рыбачить. Мы видели много акул, но все попытки поймать их оказались неудачны. Все, что мы поймали – это малое количество мелких рыб, размером с макрель, которых разделили меж собою. За этим занятием мы провели остаток дня, до шести часов пополудни, когда люди, вернувшись на берег из своего поиска в горах, принесли несколько птиц, и мы снова поставили паруса наши и пошли прямым курсом к острову Пасхи. Той ночью, когда мы совершенно оторвались от земли, у нас был отличный крепкий ветер с норд-веста, мы поддерживали костры наши и приготовили рыбу и птицу, и считали положение наше столь благоприятным, сколь только и можно было ожидать. Мы продолжали курс наш, потребляя провизию и воду экономно, елико возможно, без всяких существенных происшествий, до тридцатого, когда ветер переменился на встречный ост-зюйд-ост, и так продолжалось до тридцать первого, когда он снова стал дуть на север и мы продолжили курс наш.

Третьего января мы попали в тяжелый шквал с вест-зюйд-веста, сопровождаемый ужасным громом и молниями, которые бросали на океан вид мрачный и унылый и навевали воспоминания о тех тяжелых и отчаянных минутах, что мы испытывали ранее. С острова Дуци мы начали систематические подсчеты, согласно которым четвертого января оказалось, что мы продвинулись к югу от острова Пасхи и при господствующем ост-норд-осте не могли двигаться на восток, чтобы достичь его. Наши птица и рыба закончились, и мы снова принялись за свои скудные запасы хлеба. При таком положении дел необходимо было отменить решение идти к острову Пасхи и взять курс в каком-нибудь ином направлении, куда позволит нам ветер. Мы почти не колебались в решении, следственно, идти к острову Хуана Фернандеза¹⁴, лежащему примерно на ост-зюйд-ост от нас и отдаленный на две тысячи пятьсот миль. Соответственно, мы изменили курс к нему, имея в два следующих дня очень слабые ветра и чрез-

¹⁴ Острова Хуана Фернандеса состоят из острова Робинзона Крузо, острова Александра Селкирка и острова Санта-Клара.

вычайно страдая от сильного жара солнца. Седьмое принесло нам смену ветра на южный, и в двенадцать часов мы обнаружили себя на широте $30^{\circ}73'18''$ ю.ш. и долготе $117^{\circ}73'29''$ з.д. Мы продолжали продвигаться на восток, елико могли.

10 января. Мэтью П. Джой, второй помощник, куда больше прочих страдал от слабости и лишений, нами испытываемых, и восьмого был перемещен в бот капитана, исходя из мнения, что ему будет там удобнее и что ухаживание и попытки помощи дадут ему больше внимания и пользы. В этот день был штиль, и он выразил желание вернуться, но в 4 часа пополудни, когда по желанию его поместили в его бот, он внезапно умер сразу по переводу. Одиннадцатого, в шесть часов утра, мы зашили его в одежду, привязали к ногам большой камень и, собрав все лодки, торжественно предали океану. Этот человек умер не от голода, хотя конец его, без сомнения, был приближен страданиями его. У него было слабое и болезненное сложение, и в течение всего плавания он жаловался на нездоровье. Этот случай, однако, на много дней бросил тень на наши чувства. Вследствие его смерти одного человека из капитанского бота переместили в тот, где он умер, чтобы его заместить, и мы снова отклонились от курса.

12 января у нас был ветер с норд-веста, который начался утром и еще до ночи превратился в шторм совершенный. Нам пришлось натянуть все паруса и идти на фордевинд. Ярко и часто сверкали молнии, и дождь лил водопадами. Поскольку, однако, этот шторм в известной степени дул по курсу нашему и скорость в течение дня была великолепная, мы получили, могу сказать, даже удовольствие от неудобства и ярости шторма. Мы тревожились, что во тьме этой ночи можем разлучиться, и приготовились каждой лодкой держаться всю ночь курса ост-зюйд-ост. Примерно в одиннадцать часов лодка моя была на коротком расстоянии перед прочими, я повернул голову назад, что было в моем ежеминутном обыкновении, и не увидел никого из прочих. В то время был такой ветер и дождь, словно небеса разверзлись, и я едва в ту минуту понимал, что делать. Я поставил лодку к ветру и дрейфовал около часа, ожидая каждую минуту, что они подойдут ко мне, но, не видя их, отложил это дело и встал на согласованный курс, крепко надеясь, что дневной свет позволит мне найти их снова. Когда пришло утро, тщетно обшаривали мы взглядами весь океан в поисках товарищей наших; их не было! И больше мы их потом не видели. Глупо было роптать на обстоятельства; сетованиями их нельзя было поправить, так же и печалью вернуть товарищей, но невозможно было не ощущать боли и горечи от разлуки с людьми, с которыми так долго вместе страдал, с чьими интересами и чувствами был так тесно связан. Много дней после этого продвижение наше сопровождалось размышлениями печальными и тоскливыми. Мы потеряли поддержку лиц друг друга, в которой, как ни странно, нуждались в душевных и телесных несчастьях наших. 14 января оказалось еще одним очень шквалистым и дождливым днем. Мы теперь были в девятнадцати днях от острова и проделали около 900 миль: необходимость стала нашептывать нам, что нужно еще урезать довольствие наше, или мы должны вконец оставить надежды на достижение земли и полностью положиться на случайность быть подобранными судном. Но уменьшить дневное количество пищи, принимая во внимание самую жизнь, было вопросом предельной важности. По первому оставлению места крушения требования желудка и так были ограничены до малейшего возможного предела. И впоследствии, до достижения острова, имело место сокращение примерно наполовину, а теперь, по разумным расчетам, необходимо стало урезать их еще по меньшей мере наполовину, что должно в короткое время довести нас до сущих скелетов. В воде мы себя не ограничивали, но это только добавляло к слабости нашей; тела наши получали лишь скудную поддержку от позволенных каждому полутора унций хлеба. Огромных усилий требовало довести дело до этого ужасного выбора: питать тела и надежды наши чуть дольше или же в агонии голода взять и пожрать провизию нашу и спокойно ожидать приближения смерти.

Мы все еще были способны передвигаться в лодках наших и вяло выполнять работы по ним, но от расслабляющего действия воды быстро чахли и ежедневно чуть не погибали

под жаркими лучами полуденного солнца, чтобы избежать какового, ложились на дно лодки, накрывались парусами и оставляли ее на милость волн. При попытке подняться кровь прилила к голове и опьяняющая слепота находила на нас, чуть ли не до случаев нового внезапного падения. В наших мыслях еще теплился слабый интерес и отдаленные надежды на встречу с другими лодками, каковой так и не случилось. Ночью произошел случай, который вызвал у меня сильный приступ тревоги и привел к неприятным руминациям о возможных последствиях его повторения. Я лег в лодке, не предприняв обычных предосторожностей своих по укреплению крышки сундука с провизией, когда один из белых матросов разбудил меня и сообщил, что один из черных взял оттуда несколько хлеба. В ту минуту я ощутил высочайшее негодование и возмущение от такого поведения кого-то из команды нашей и немедленно взял в руку пистоль и приказал ему, если он что-то взял, вернуть обратно без малейшей задержки, или я застрелю его на месте! Он сразу же очень встревожился и, дрожа, признался, оправдываясь подстрекавшей его жесткой необходимостью: казалось, он очень раскаялся в преступлении своем и искренне клялся, что никогда больше такого не сделает. Я не мог найти сил внутри души своей нанести ему на сей счет малейшую жестокость, однако многие могли бы потребовать ее, согласно чувствуемому на себе суровым наложению. Это был первый проступок, и безопасность жизней наших, наши надежды на избавление от страданий наших громко зывали к скорому и примерному наказанию, но все естественные человеческие чувства выступали в его защиту, и ему позволено было остаться без наказания при торжественном обещании, что повторение этого преступления будет стоить ему жизни.

По этому происшествию я почти решился разделить нашу провизию и дать каждому его долю от всего запаса, и сделал бы так в глубине обиды моей, не задумываясь о том, что некоторые могли бы по неблагоразумию соблазниться выйти за рамки дневного довольствия или съесть все разом и испытать преждевременную слабость или истощение: это, конечно, лишило бы их способности выполнять обязанности по лодке и уменьшило шансы сохранения и спасения нашего.

15 января, ночью, была замечена очень большая акула, плавающая вокруг нас образом самым хищническим, время от времени покушающаяся на различные части бота, будто бы пожирающая от голода само дерево. Несколько раз она подходила и хватала рулевое весло и даже ахтерштевень. Мы тщетно пытались вонзить в нее острогу, но были так слабы, что не могли произвести на ее жесткую кожу впечатления. Она была настолько крупнее обычной акулы и выражала такую бесстрашную злобу, что заставила нас ее убояться, и отчаяннейшие попытки наши, которые сначала имели целью убить ее для съедения, в итоге превратились в самозащиту. Сбитая, однако, с толку во всех голодных попытках ее, она вскоре отстала.

16 января нас в большом количестве окружили дельфины, кои следовали за нами примерно час и кои также не поддались всем нашим маневрам по их поимке. 17-го и 18-го случился штиль, и беды безнадёжного ожидания и палящего солнца снова пали на покорные головы наши.

Мы начали думать, что Божественное Провидение, наконец, нас оставило: длить ныне утомительное существование наше было напрасной попыткой. Ужасны были чувства, нами овладевшие! Ожидание мучительной смерти, обостренное размышлениями самыми кошмарными и болезненными, совершенно подавило и тело, и душу. Нам теперь не оставалось надежды, кроме как на чувство милосердия создателя нашего. Ночь 18-го была эпохой отчаяния в страданиях наших, мысли наши до последней степени были взбудоражены страхом и тревогой за судьбу нашу, все они были угрюмы, мрачны и сбивчивы. Примерно в 8 часов в ушах наших раздался ужасный шум китового фонтана: мы отчетливо слышали яростные удары хвостов по воде, и слабые наши умы живописали устрашающие и отвратительные обличья их. Один из товарищей моих, черный, испытал внезапный испуг и стал упрашивать меня вынуть весла и попытаться сбежать от них. Я позволил ему воспользоваться для этой цели любыми

средствами, но увы! Совершенно не в наших силах было поднять хоть руку в защиту нашу. Два или три кита нырнули близ нас и поднялись за кормой нашей, пустив фонтаны невиданной силы. Они, однако, через час-другой исчезли, и больше мы их не видели. На следующий день, 19 января, была крайне бурная погода, с дождем, сильным громом и молниями, снова приведшая нас к необходимости укоротить паруса и лечь в дрейф. Двадцать четыре часа ветер дул со всех концов света, и, наконец, к следующему утру сделался крепким бризом ост-норд-ост.

20 января. Один черный, Ричард Петерсон, проявил сегодня признаки быстрого распада. Он лежал между банками, лишенный духа и сломленный до последней степени, неспособный исполнять малейшие обязанности, едва способный в последние три дня поднять руку, и этим утром решился скорее умереть, чем длить страдания свои: он отказался от довольствия своего, сказал, что чувствует свой конец, и совершенно приготовился умереть. Через несколько минут он затих, дыхание, казалось, оставило тело его, не произведя боли наилегчайшей, и в четыре часа он ушел. В предыдущие два дня я беседовал с ним на тему религии, о коей рассуждал он очень разумно и с большим спокойствием и просил меня известить его жену о судьбе его, если я когда-нибудь безопасно достигну дома. На следующее утро мы предали его морю, на широте $35^{\circ}73'07''$ ю.ш. и долготе $105^{\circ}73'06''$ з.д. Ветер дул по большей части на восток до 24 января, когда вновь наступил штиль. Мы теперь были в состоянии слабости самом жалком, едва способны ползать по лодке и едва обладали силами, достаточными, чтобы переправлять в рот скудное пропитание наше. Когда этим утром я понял, что будет штиль, мужество мое почти меня покинуло. Я думал, что надо будет вытерпеть еще один обжигающий день, подобный тем, что мы уже испытывали, и к ночи бедствия наши завершатся. В иную отчаянную минуту в тот день я чувствовал, что минута эта роковая. Требовалось усилие, чтобы спокойно смотреть в будущее и обдумывать, что еще есть в запасе нашем, что, как я чувствовал, я способен был делать, и что держало меня над всеми ужасами, нас окружавшими, один Бог знает. Наши полторы унции хлеба, служившие нам весь день, в иных случаях жадно пожирались, словно жизнь не продолжалась бы после того и минуты, в другой раз они копились и съедались в течение дня крошка за крошкой через равные промежутки времени, словно она длилась бы вечно. В довершение ко всем нашим бедам из нас начала извергаться желчь, и фантазии наши вскорости стали такими же болезненными, как наши тела. Ночью я лег, чтобы ухватить несколько мгновений сонного забвения, и немедленно начало работать голодное воображение мое. Мне снилось, что я на роскошном и богатом пиру, где есть все, чего может пожелать аппетит самый утонченный; и с чувствами плененными восторгом, жду мгновения, когда мы должны приступить к еде, и только я собрался было ее отведать, как неожиданно проснулся к хладной яви несчастного положения моего. Ничто не могло подавить меня больше. Это произвело такое страстное безумство к пище в мозгу моем, что я желал бы, чтоб этот сон длился вечно, чтобы я никогда из него не просыпался. Я как бы пусто осмотрел лодку, пока глаза мои не остановились на куске жесткой воловьей кожи, прикрепленной к одному из весел; я с рвением схватил и начал жевать его, но на нем не было материи, и все это послужило только к усталости слабых челюстей моих и добавило мне телесных мук. Товарищи по несчастью мои изрядно роптали все время и продолжали постоянно угнетать меня вопросами о возможности снова достичь земли. Я постоянно собирал дух мой, чтоб давать им успокоенье. Я воодушевлял их противостоять всем бедам, и если мы должны погибнуть, то умереть по своей причине, а не малодушно сомневаясь в провидении Господнем, предавая себя отчаянию. Я рассуждал с ними и говорил им, что мы не раньше ведь умрем, если сохраним надежды свои, что ужасные жертвы и лишения пали на нас, чтобы спасти нас от смерти, и не нам торговаться о цене, положенной за жизнь нашу, и об ее ценности для семейств наших, а кроме того, что роптать не по-мужски, что это не дает ни облегчения, ни лечения, и к тому же что наш святой долг видеть в наших несчастьях всепобеждающую божественную природу, чья милость могла бы вдруг вырвать нас из беды, и только на нее уповать: «Кто усмиряет ветер для стриженной овечки».

Три следующих дня, 25-е, 26-е и 27-е, не были отмечены особыми обстоятельствами. Ветер все еще дул главным образом с востока и своей непреклонностью почти вырвал самые надежды из сердец наших: невозможно было замолчать мятежные роптания естества нашего при виде такой цепи несчастливых поступков. Жестокой судьбой нашей было то, что ни одно наше светлое ожидание не исполнилось – ни одно желание жаждущих душ наших не сбылось. По прошествии трех дней нас отнесло на юг до широты 36°73, в прохладную область, где преобладали дожди и шквальные ветра, и теперь мы рассчитывали сменить курс и вернуться на север. После больших трудов стали мы ставить лодку нашу, и так велика была усталость, посетившая при сем малом усилии наши тела, что мы все в минуту бросили это и оставили лодку собственному курсу ее. Ни у кого из нас не достало сил править, или сделать одно усилие и правильно поставить паруса, чтоб можно было хоть сколько-то продвинуться. Через час или два передышки, во время коей ужасы положения нашего нашли на нас с отчаянной силой, мы сделали резкое усилие и поставили паруса так, чтобы бот сам мог идти по курсу, и тогда мы опустились вниз, ожидая только течения времени, что принесет нам облегчение или же освободит из бед наших. Мы ничего не могли больше поделать, силы и дух ушли совершенно, и как, воистину, малые наши надежды могли в тогдашнем нашем положении привязать нас к жизни?

28 января. В это утро нашего духа едва хватило на радость от перемены ветра, который стал дуть с запада. Нам почти безразлично было, откуда он дул: нам ничего теперь не оставалось, кроме слабого шанса встретить судно: только эта слабая поддержка не давала мне лечь и умереть на месте. Но оставался запас провизии, ограниченный четырнадцатью днями, и было абсолютно необходимо увеличить это количество, чтобы прожить на пять дней дольше, поэтому мы ели от нее по требованиям урезающей необходимости и предали себя целиком под водительство и распоряжение Создателя нашего.

29 и 30 января ветер продолжал дуть с запада, и мы изрядно продвигались до 31-го, когда он снова стал встречным и опрокинул все надежды наши. 1 февраля он снова сменился на восточный, а 2-го и 3-го на западный; и он был слабым и переменным до 8-го февраля. Страдания наши подходили тогда к концу, показалась поджидающая нас ужасная смерть, голод стал яростным и неистовым, и мы приготовились к скорому освобождению от бед наших. Речь и рассудок наши изрядно повредились, и мы в то время дошли до того, что стали, несомненно, самыми жалкими и беспомощными из всей человеческой расы. Исаак Коль, один из команды нашей, за день до того в приступе отчаяния опустился в лодку и решил спокойно дожидаться там смерти. Очевидно было, что у него не было шанса, в его голове все было темно, сказал он, и ни одного луча надежды не осталось в ней, и было глупостью и безумием бороться против того, что так ощутимо казалось установленным и определенным уделом нашим. Я смог увещевать его, насколько слабость и тела, и рассудка моего позволили мне, и то, что я сказал, казалось, на мгновение возымело изрядное действие: он сделал энергичное и резкое усилие, приподнялся, прополз вперед и поднял кливер, твердо и громко прокричал, что не сдастся, что он проживет столько же, сколько и остальные из нас, – но увы! – это усилие было ни чем иным, как минутным лихорадочным жаром, и вскоре он снова впал в состояние грусти и отчаяния. В этот день его рассудок помутился, и около 9 часов утра он являл собою зрелище безумия самое жалкое: ясно говорил обо всем, бурно требовал салфетку и воду, а потом вновь тупо и нечувствительно ложился в лодку и закрывал ввалившиеся глаза свои, словно при смерти. Около 10 часов мы вдруг осознали, что он замолчал. Бережно, как только могли, мы подняли его на борт, поместили на одно из сидений, накрыли какими-то старыми тряпками и предоставили судьбе его. Он лежал в величайших страданиях и явных муках, жалобно стонал до четырех часов, когда и умер в конвульсиях самых страшных и отвратительных, что мне довелось в жизни видеть. Мы держали его тело всю ночь, а утром два товарища моих начали, как обычно, делать приготовления, чтобы опустить его в море, когда я, всю ночь проразмышляя над тем, обратился к ним на тяжелую тему сохранить тело для еды!! Провизии нашей не могло хватить

больше, чем на три дня, по истечении какового времени нам ни в коей степени не будет возможно найти облегчение от теперешних страданий наших, и что голод наконец доведет нас до необходимости тянуть жребий. Сие было принято безо всяких возражений, и мы принялись за дело со всей возможной скоростью, чтобы не дать ему испортиться. Мы отделили его конечности от тела, и отрезали от костей всю плоть; после чего тело вскрыли, вынули сердце, потом снова его закрыли – зашили, елико могли, благопристойно, и предали морю. Тогда удовлетворять непосредственные желания естества мы начали с сердца, которое жадно пожрали, а потом умеренно съели несколько кусков плоти, после чего развесили по лодке оставшееся, нарезанное на тонкие полоски, чтобы высушить его на солнце: мы развели огонь и поджарили часть мяса, чтоб есть в течение следующего дня. Таким образом употребили мы товарища по несчастью нашего, тягостные воспоминания о чем, предстоящие передо мной в эту минуту, суть одни из самых неприятных и отвратительных мыслей, какие можно только вообразить. Мы не знали тогда, на кого следующего выпадет доля сия, умереть или быть застреленным и съеденным, как тот бедолага, которого мы только что разделили. Сама природа человеческая содрогается от ужасного рассказа этого. У меня нет слов описать мучения душ наших при кошмарной сей дилемме. На следующее утро, 10 февраля, мы обнаружили, что плоть загнила и приобрела зеленоватый оттенок, на чем заключили развести огонь и приготовить ее сразу, чтобы она не сопрела так, что ее вообще невозможно было есть: так мы, соответственно, и сделали, и тем сохранили ее на шесть или семь дней дольше. Хлеб наш все это время оставался нетронутым, поскольку он не поддавался порче, мы бережно отложили его до последней минуты испытания нашего. Примерно в три часа пополудни установился крепкий ветер с норд-веста, и мы очень хорошо продвинулись, учитывая, что вынуждены были править одними только парусами: ветер этот продолжался до тринадцатого, когда снова сменился на встречный. Мы затеяли сохранить душу нашу в теле умеренным вкушением мяса, нарезанного на мелкие куски и запиваемого соленой водою. К четырнадцатому тела наши окрепли настолько, что позволили нам сделать несколько попыток снова управлять ботом при помощи весла, каждый по очереди, мы оказались способны это делать и держать приемлемый курс. Пятнадцатого мясо было израсходовано, и мы перешли на последний хлеб в количестве двух лепешек. Члены наши в последние два дня очень распухли и приносили нам теперь страдания самые чрезмерные. Мы все еще были, насколько могли судить, в трехстах милях от суши и лишь с трехдневным запасом продовольствия. Надежда на продолжение ветра, который этим утром пришел с запада, была единственной поддержкой и утешением, оставшейся нам: такими острыми были желания наши в этом отношении, что в наших венах возник сильный жар, и жажда, которую ничто не могло удовлетворить, кроме его продолжения. Дело достигло апогея своего, все надежды обращены были на ветер, и мы с дрожью и страхом ожидали изменения его и ужасного развития судьбы нашей. Шестнадцатого, ночью, полный кошмарных размышлений о положении нашем и задыхаясь от слабости, я лег спать, почти безразличный, увижу ли снова свет. Не пролежав долго, я увидел во сне корабль на каком-то расстоянии от нас и напряг все жилы, чтоб добраться до него, но не смог. Я проснулся почти сломленным от иступления, испытанного в забытии, истерзанном жестокостями больного разочарованного воображения. Семнадцатого, после полудня, в направлении ост-тень-норда от нас показалась тяжелая оседлая туча, которая, на мой взгляд, означала близость некой земли, кою я принял за остров Массафуэра. Я заключил, что ничем иным это быть не может, и сразу по этому размышлению живая кровь вновь проворно побежала в венах моих. Я сказал товарищам моим, что положительно убежден, что это земля, и если так, то мы, по всей вероятности, достигнем ее в два дня. Мои слова, по-видимому, много их приободрили, и руминируя уверения в благоприятном положении дел, дух их даже приобрел степень гибкости поистине удивительную. Темные черты бедствия нашего начали понемногу светлеть, а облики, даже посреди мрачных предчувствий тяжелой судьбы нашей, изрядно прояснились. Мы направили курс наш к туче, и наше про-

движение было в ту ночь замечательно хорошо. На следующее утро, перед рассветом, Томас Никольсон, юнга примерно семнадцати лет от роду, один из двух товарищей моих, кто до сих пор выживал вместе со мною, лег после вычерпывания, накрылся куском парусины и закричал, что желает умереть на месте. Я видел, что он сдался, и попытался сказать ему слова поддержки и ободрения, и силился убедить, что терять доверие к Всемогущему, пока остается хоть малейшая надежда и дыхание жизни – это большая слабость и даже грех, но он был не склонен слушать мои увещания и, несмотря на крайнюю вероятность достигнуть земли до окончания двух дней, о которой я говорил, настаивал лежать и предаваться отчаянию. Неподвижное выражение отчаяния решенного и конченного овладело лицом его: он лежал какое-то время в молчании, мрачности и печали – и я сейчас же ощутил удовлетворение от того, что холод смерти быстро собирается вокруг него: в его поведении была неожиданная и необъяснимая искренность, встревожившая меня и заставившая опасаться, что и сам я могу неожиданно поддаться подобной слабости или природной дурноте, которая в миг лишит меня и рассудка, и жизни, но Провидение решило по-другому.

Этим утром примерно в семь часов, когда я лежал и спал, товарищ мой, бывший на руле, неожиданно и громко закричал: «Парус!». Я не знаю, что было первым движением моим, когда я услышал этот неожиданный крик: самые ранние воспоминания мои те, что я немедленно поднялся, вперившись в состоянии рассеянном и восторженном в благословенное зрелище судна приблизительно в семи милях от нас. Оно повернуто было так же, как и мы, и в ту минуту я ощущал единственно неистовое и безотчетное побуждение полететь прямо к нему. Я не верю, что возможно выразить точное понимание того чистого, сильного чувства и беспримесных эмоций радости и благодарности, что овладели тогда умом моим: юнга также испытал внезапное и воодушевляющее пробуждение от отчаяния его и встал, чтобы узреть вероятное орудие спасения своего. Нашим страхом было единственно, что оно не заметит нас или что мы не сможем перехватить его курс: мы, однако, немедленно направили лодку нашу, елико были способны, в направлении наперерез и обнаружили, к великой нашей радости, что плывем быстрее него. Заметив нас, оно убавило паруса и дало нам приблизиться. Капитан окликнул нас и спросил, кто мы. Я сказал, что мы потерпевшие кораблекрушение, и он немедленно крикнул, чтобы мы поднимались на борт. Я сделал попытку прибиться к борту, чтобы встать, но силы совершенно меня покинули, и я не мог и шагу ступить без посторонней помощи. Должно быть, в ту минуту в глазах капитана и его экипажа мы представляли картину страданий и невзгод самую печальную и трогательную. Мертвецкие обличья, ввалившиеся глаза и кости наши, просвечивающие сквозь кожу, с изорванными остатками одежды, натянутыми на сожженные солнцем тела наши, должно быть, производили на него впечатление в высшей степени трогательное, но и отталкивающее. Матросы принялись извлекать нас из лодки нашей, нас взяли в каюту и удобно обеспечили во всех отношениях. Через несколько минут нам позволено было попробовать немного жидкой пищи, сделанной из тапиоки, и в несколько дней под разумным уходом мы изрядно окрепли. Это судно оказалось бригом «Индеец», капитан – Вильям Крозьер из Лондона, коему мы обязаны любезным, дружеским и внимательным расположением, которое, возможно, и отличает человека гуманного и тонкого. Нас подобрали на широте 33°73'45'' ю.ш. и долготе 81°73'03'' з.д. В двенадцать часов того дня мы увидели остров Массафуэра, а 25 февраля мы прибыли в Вальпараисо в полной нужде и нищете. Нужды наши были там быстро удовлетворены.

Капитан и те, кто выжил в его боте, были подобраны американским китобоем «Дофин» (капитан Зимфри Коффин из Нантакета) и прибыли в Вальпараисо семнадцатого последующего марта: он был подобран на широте 33°73' близ острова св. Марии. Третий бот отделился от него 28 января, и с тех пор о нем не слышали. Имена всех выживших такие – капитан Джордж Поллард мл., Чарльз Рамсдель, Овен Чес, Бенджамин Лоренс и Томас Никольсон,

все из Нантакета. В капитанском боте умерли следующие: Бразилла Рэй из Нантакета, Овен Коффин оттуда же, что был застрелен, и Самуэль Рид, черный.

Капитан рассказывает, что, разлучившись, как сказано выше, они, насколько могли, продолжали движение к острову Хуана Фернандеза, как было оговорено, но встречные ветра и крайняя слабость команды преодолели объединенные усилия их. Он был равно с нами удивлен и раздосадован происшедшим с нами разлучением; но продолжал курс свой, почти уверенный в новой встрече с нами. Четырнадцатого весь запас провизии из бота второго помощника был израсходован, и двадцать пятого¹⁵ черный Лосен Томас умер и был съеден выжившими товарищами его. Двадцать первого капитан и его команда оказались в подобном ужасном положении в отношении своей провизии, и двадцать третьего другой цветной, Чарльз Шортер, умер в том же боте, и его тело было разделено на пищу между экипажами обоих ботов. Двадцать седьмого еще один, Исаак Шеферд (черный), умер в третьем боте, а двадцать восьмого еще один черный, по имени Самуэль Рид, умер в боте капитана. Тела этих людей составляли единственную пищу их, пока не закончились, а двадцать девятого боты капитана и второго помощника расстались на широте $35^{\circ}73'45''$ ю.ш. и долготе $33^{\circ}73'45''$ ю.ш. и долготе $100^{\circ}73'$ з.д. из-за тьмы ночи и недостатка сил управлять ими. 1 февраля, израсходовав последнюю пищу, капитан и трое других оставшихся с ним были доведены до необходимости бросать жребий. Он пал на Овена Коффина, который с великим мужеством и смирением подчинился судьбе своей. Они тянули жребий, кому застрелить его: он же твердо решил принять смерть свою и был немедленно застрелен Чарльзом Рамсделем, чья тяжелая доля была стать его палачом. 11-го умер Бразилла Рэй, и на этих двух телах капитан и Чарльз Рамсдель, единственные двое, кто остался, существовали до утра двадцать третьего, когда наткнулись на корабль «Дофин», как уже сказано, и были вырваны из-под нависшей гибели. Всяческая помощь и внимательная человечность были оказаны им капитаном Коффином, которому капитан Поллард выразил всю благодарную обязанность. Узнав, что трое из товарищей наших остались на острове Дуци, капитан фрегата США «Созвездие», который стоял в Вальпараисо при нашем прибытии, сказал, что немедленно примет меры по их освобождению.

11-го числа последующего июня я прибыл в Нантакет на китобое «Орел», капитан Вильям Х. Коффин. Семейство мое получило рассказ о нашем кораблекрушении самый огорчительный и считало меня пропавшим. Мое неожиданное появление было встречено с признательностями самыми приятными и с благодарностями милосердному Создателю, который провел меня сквозь тьму, горе и смерть обратно в лоно земли и друзей моих.

¹⁵ Вероятно, ошибка рассказчика. По логике повествования правильнее 15-го.

Добавление

Следующее есть список всего экипажа корабля, с упорядочением по трем отдельным ботам при отплытии с места крушения: имена тех, кто умер, остался на острове или застрелен, а также тех, кто выжил и кто был в боте третьего помощника во время разлучения – и чья судьба все еще точно не известна:

Капитан Джеймс Поллард¹⁶, 17 июня, 1-й бот, выжил
Обед Гендрикс, 1-й бот, помещен в 3-й бот, пропал без вести
Бразилла Рэй, 1-й бот, умер
Овен Коффин, 1-й бот, застрелен
Самуэль Рид (черный), 1-й бот, умер
Чарльз Рамсдель, 1-й бот, выжил
Сет Викс, 1-й бот, остался на острове
Овен Чес, 2-й бот, выжил
Бенджамин Лоренс, 2-й бот, выжил
Томас Никольсон, 2-й бот, выжил
Исаак Коль, 2-й бот, выжил
Ричард Петерсон (черный), 2-й бот, выжил
Вильям Райт, 2-й бот, остался на острове
Мэтью П. Джой, 3-й бот, умер
Томас Чепль, 3-й бот, остался на острове
Джозеф Вест, 3-й бот, пропал без вести
Лосон Томас (черный), 3-й бот, умер
Чарльз Шортер (черный), 3-й бот, умер
Исайя Шеферд (черный), 3-й бот, умер
Вильям Бонд (черный), 3-й бот, пропал без вести

¹⁶ В остальных местах он зовется Джорджем Поллардом.

Томас Никерсон

Из записных книжек

...Давайте теперь вернемся к путешествию в Эссексе. После короткого пребывания на острове Лобос мы держались подальше на север, петляли, конечно. Иногда подходили к самому берегу, иногда нас относил в самое сердце моря. Вскоре мы, наконец, пересекли экватор и добрались до лучшей остановки на нашем пути – города Такамес (Эквадор). Этот маленький город практически полностью состоит из бамбука, хижины здесь с соломенными крышами и построены на сваях, на высоте свыше двадцати футов от земли. Мы сошли на берег и вступили в сражение с комарами, которые хотели растерзать нас, подобно тому, как дикие звери плотоядно посматривают на бродяг и прочий сброд, вынужденный ночевать на улице. Именно на широте 00:50 к северу от экватора расположен городок Такамес, в котором проживает не более трехсот жителей, смесь испанцев и индейцев. Люди здесь оказались очень добрыми, трудолюбивыми и ответственными гражданами, хоть в городке все чрезвычайно бедно живут. Мне было сложно поверить, что город способен жить на тысячу долларов. Пищу тут добывали спонтанно. Мясо тут практически не потребляли. Если и удавалось добыть немного мяса, жители старались продать его. Главным образом тут питались бананами и апельсинами, которые, и правда, на вкус совершенно восхитительны. Еще они питаются картофелем и ананасами, но растить их достаточно сложно, поэтому и употребляют их в пищу редко.

Вот сюда-то мы и завернули в ходе нашего длительного путешествия на запад. Здесь можно было купить древесины, пополнить наши запасы еды и, что еще важнее, воды. Здесь мы встретили корабль Джорджа Лондона с капитаном Боннфордом на борту. Здесь они отдыхали после долгого китобойного круиза. Практически все люди капитана тяжелейшим образом страдали от цинги. Боннфорд вынужден был арендовать здесь дом на берегу и на какое-то время превратить его в больницу. Из всей компании только трое людей способны были выполнять свой долг. Впрочем, при хорошей организации и достаточном количестве еды и воды очень скоро Боннфорд смог бы продолжить свое плавание без единой потери.

* * *

Китобойное судно Леди Адамс Нантакет прибыло сюда уже во время нашего здесь пребывания. Они преследовали те же цели, что и мы. Капитаны двух американских кораблей в течение нескольких дней пропадали на охоте на индеек. Они заставляли поваров работать целыми днями, после каждой охоты им надлежало приготовить как можно больше полезной и питательной пищи. Я был самым молодым на борту, поэтому меня капитаны попросили составить компанию, чтобы исполнять роль собаки охотника.

Вскоре мы восполнили свои силы и назначили день выхода в море. Перед стартом мы в течение трех часов бродили по лугам и охотничьим угодиям, после чего мы услышали мрачный нечеловеческий вой, заставивший нас собраться возле корабля. Когда мы подошли к установкам, два капитана пришли первыми, они смотрели друг на друга несколько мгновений, как будто хотели, но не решались что-то сказать. Солнце так сильно пекло, а я был слишком молод, чтобы защититься от хищников, да и для того, чтобы найти дорогу обратно. Они боялись, что хищники съедят их.

С тех пор прошло много времени. Я собрался с силами и вновь посетил тот город. Животное, так напугавшее нас, оказалось обычной хищной птичкой, размером не больше колибри. Ее душераздирающие крики легко можно было принять за вой хищника. Тогда мы действительно испугались этих воплей и отложили охоту на следующий день, но больше никто не отва-

живался снова предложить пойти на охоту. Мы вынуждены были довольствоваться той провизией, которая осталась у нас, а также несколькими ручными индейками, купленными в городе. Сокровища здешних лесов мы оставили местным жителям.

* * *

После того, как мы пополнили запас питьевой воды и древесины, мы все же отплыли от этого острова. Теперь наш курс лежал на Галлапагосские острова. Там мы надеялись пополнить запас провизии гигантскими черепахами, которыми изобилует тот остров и которые так ярко и живо описывал Коммандор Портер во время нашей последней войны с Англией. Шесть дней мы шли, уже не надеясь увидеть сушу, пока наконец не увидели вдалеке кромку островов. Мы поймали несколько китов. У нас было не больше 700 баррелей нефти.

Мы бросили якорь в пяти морских саженях воды от берега. В северо-западной части острова находилась небольшая бухта Stephens Bay¹⁷. Здесь ветер ощущался меньше всего, поэтому мы бросили якорь. Пляж здесь, как и все другие на этих островах, был необычайно красивым и чистым, по белизне своей напоминающим снег. Здесь весь песок был столь чистым, что напоминал снег. Тюленей уже известного мне вида мы повстречали много, а вот морских котиков повидать не удалось. Эти острова вулканического происхождения. Скалы выглядят так, будто были сожжены, места, где есть почва, выглядят не лучшим образом. Земля здесь очень сухая. Делая шаг в этих местах, можно услышать звук, подобный скрежещущему металлу. Так и переходите от одного металла к другому. Обломки скал разбросаны столь хаотично, что приходится перепрыгивать, от одного к другому, десятки и сотни раз падая назад, так как куски скал беспрестанно отламываются.

Водяные черепахи чрезвычайно ценны для моряков. Метод их добычи на острове до смешного прост. Сначала моряки отрезают себе кусок холста и подвязывают к каждому его углу веревки, наподобие подтяжек. Так они готовятся к предстоящей охоте. Моряки рассредоточиваются по острову и идут на дело. Расстояние между охотниками от двух до пяти миль. Обычно идут либо в одиночку, либо в компании с напарником. Нужно держать ухо востро и быть предельно осторожным. Тихо и незаметно они проходят между деревьями, в надежде отыскать объект охоты. Если кто-то находит несколько черепах и понимает, что не сможет отнести их к кораблю в одиночку, он кричит во всю глотку. Если кто-то еще не обзавелся добычей, не нагружен до предела, то он, конечно, придет на помощь и по звуку голоса определит местоположение товарища.

После этого начинается собственно охота. Чтобы захватить и нейтрализовать черепаху, ее нужно во что бы то ни стало перевернуть панцирем вниз, на грудь нужно положить увесистый камень и навалиться всем корпусом, для верности. В это время можно будет спокойно связать им ноги веревками. Связывать нужно чуть выше коленного сустава. С помощью холста достаточно просто оттащить черепаху к судну, надев ремни на холсте на плечи. После чего черепахи продолжают свое путешествие в лодке, под палящими лучами жаркого солнца. Поверьте, я понимаю, в сколь незавидном положении оказываются эти несчастные животные.

В среднем черепахи весят около трехсот фунтов, но я часто видел и четырехсотфунтовых особей. Их поведение очень беспокойно. Неизвестно, когда ты встретишь подходящую черепаху и сколько она будет весить. Связывать их ноги невероятно трудно. Я часто думал, что это самый тяжелый труд, который может быть дан человеку. Я часто видел обозленных моряков, которые бросали черепах спинами на скалы, разбивая вдребезги их панцирь, и, сидя внизу скалы, сыпали горькие проклятия на голову бедного и несчастного животного, которое

¹⁷ Никерсон имеет ввиду бухту Гарднер, на северо-центральной части острова. Бухта Stephens Bay на самом деле находится на острове Сан-Кристоваль.

истекало кровью возле их ног. Обычно моряки делали три-четыре поездки в день, каждый раз привозя груз в своей лодке.

Форма этого экзотического животного в какой-то степени напоминает небольшой надел земли, панцирь черепахи и есть возвышенность. У них очень длинная шея, которая в сочетании с головой чем-то напоминает змею, что выглядит весьма неприятно. Я часто встречал особей, чьи шеи достигали двух футов в длину.

Эти несчастные животные не умеют обороняться. Их способ защиты практически безобиден для человека, да и для любого другого хищника. Они подходят друг к другу все ближе и ближе. Затем, вытянув шею из панциря до предела, с открытым ртом, они принимают вид самой злобной рептилии. Они так и будут стоять в таком положении, не шевеля своими головами и шеями, дрожа от ярости. Побеждает тот, чья голова выше. Проигравший моментально отступает назад. Это решает весь исход поединка. Я часто встречал таких бойцов на палубе, но, что интересно, никогда не видел, чтобы проигравший решался снова вступить в схватку. Уверен, что это единственный их способ сражаться. У них нет зубов, их рты сформированы практически так же, как и у попугаев.

Они могут храниться на борту судна в течение очень длительного времени. Я знаю, что порой их держали так больше семи месяцев без еды, воды и какого-либо ухода. Конечно, это очень жестоко. Многие утверждают, что они не ведают голода, как другие животные, но я вовсе не уверен в этом. Часто я наблюдал, как они сбегаются в ту часть палубы, в которой находится провиант. В обычное время они питаются сочными листьями деревьев, наподобие капусты. Такие растения свойственны тем местам.

Во время одной из таких наших вылазок мы потеряли одного из офицеров, Бенджамина Лоуренса. Он слишком далеко отошел от лодки, удалился вглубь острова и попросту заблудился. Он шел, преследуя черепаху или просто глаза по сторонам, во всяком случае Лоуренс не замечал по дороге ориентиров, способных помочь ему выйти на берег. Мы все уже готовились выйти на его поиски, когда он вернулся к лодке. Его силы были на исходе, весь день он шел по острову, не имея ни еды, ни воды, да еще и под палящим солнцем. Температура воздуха в тот день была не меньше 110 градусов по Фаренгейту.

Он рассказал нам о своем приключении. Он расстался со своей компанией в лесу и пошел в юго-восточном направлении. Несколько часов он брел по непроходимой чаще, обратно ему пришлось бы идти нагруженным, поэтому он влез на дерево, чтобы понять, где он находится и найти выход из джунглей. Увидеть он так ничего и не смог. Только сейчас до него начала доходить вся серьезность его положения, ведь на острове он не смог бы даже найти себе воды, так как до сезона дождей было еще далеко и засуха стояла страшная.

Он продолжил свои скитания в поисках пляжа. Лоуренс твердо решил идти вперед до тех пор, пока вдалеке не покажутся очертания пляжа, пока не увидит спасительный корабль. Палящее солнце усиливало жажду, он нуждался в воде. Вскоре ему встретилась черепаха, которую он быстро и относительно легко поймал и связал. Ему ничего не оставалось, кроме как отрезать голову животному и пить кровь из сочащейся раны. Судьба этого животного была предрешена, ее миссией было укрепить Лоуренса в его путешествии к лодке.

Несколько часов в пути привели его к берегу моря. Он снова влез на дерево, но даже с самой высокой точки острова корабля он так и не увидел. Он продолжил свой путь по горящему от солнца песку, ибо был уверен, что таким образом он обязательно выйдет к кораблю и встретится со своими друзьями. И оказался прав. После долгих скитаний по острову он увидел вдалеке корабль. Ему стало страшно, что товарищи засмеют его, если он вернется с пустыми руками. Ему пришлось вновь метнуться в лес. Довольно быстро он встретил подходящую черепаху и легко связал ее. К лодке он вышел уже после наступления темноты. Товарищи его были вне себя от радости, когда увидели, что Лоуренс жив и здоров.

За то время, которое мы пробыли на острове, а именно четыре дня и четыре ночи, мы отловили сто восемьдесят одну черепаху. Пришло время вновь отправляться в путь. Остров находился в 1° 20' южной широты и 89° 40' западной долготы. Наш путь лежал к острову Чарльза, одному из той же группы вулканических островов. Капитан Портер с нашего фрегата Эссекс уже бывал на этом острове во время нашей последней войны с Англией. Сюда мы пришли на следующее утро в 9:00. Здесь есть отличная гавань в юго-западной¹⁸ части острова. Деревья к югу от того места, куда мы бросили якорь, отличались хорошим ростом, что свидетельствовало о наличии здесь хорошей почвы. На этом острове мы отловили еще сотню водяных черепах. Здесь ловить их оказалось куда сложнее. Черепахи этого острова обладали самым вкусным мясом из всех, с какими мне доводилось встречаться. Не часто, но все же бывало, что от одной особи мы брали восемь-десять фунтов чистого жира. Здесь мы нашли черепаху в шестьсот фунтов веса. Для того чтобы его изловить и поднять на борт, потребовалось шесть человек. Он был очень старым, и мы прозвали его Коммандор. Вскоре он начал отзываться на свое имя.

Есть на этих островах очень любопытный вид животных, называемый гуано. Различают сухопутных гуано и морских. Земноводные живут среди скал, в то время как сухопутные напоминают наших ящериц, но огромных размеров. Они имеют четыре ноги и достигают двух футов в длину. Выглядят они старыми и уродливыми. Цвет их кожи кажется грязным и желтоватым, напоминает горелую земную породу. Их кожа шероховатая и неровная. Многие из нас порывались съесть их, почитая гуано за отличное лакомство.

Здесь очень много пеликанов, настолько много, что это заслуживает отдельного упоминания. Это птицы очень большого размера, возможно, футом длиной, с естественным мешком возле горла. Их челюсть устроена таким образом, что, заполняясь, этот мешок увеличивается, растягивается до необходимых размеров. В этом мешке они переносят детенышей, заполняют его пищей. Выглядят они очень неуклюже и неловко, в особенности, когда плавают с рыбами или когда расправляют свои крылья, открывают рот и неловко задирают ногу.

Зеленые черепахи тут в изобилии. Они очень хороши для китобоев, их часто используют. Выбирать, правда, не из чего.

Этот остров имеет куда более плодородную почву, чем любой другой из этой островной группы. Я думаю, акров двести хорошей земли. Во время нашего путешествия тут не было ни одного жителя, поэтому земля, конечно, была не культивированная.

В нашей команде был англичанин Томас Чапелл. Он был диковат и любил отдыхать за чужой счет. Неизвестно, что произошло, когда он вместе с несколькими другими товарищами были на берегу, но в конечном счете, они подожгли кустарник и деревья. Это был сухой сезон, и огонь распространился с пугающей скоростью.

Из воспоминаний Филбрика:

Утром 22 октября Томас Чапелл, моряк из Плимута, Англии, решил устроить розыгрыш. Никому ничего не сказав, он принес огниво на берег. Когда остальные искали на острове черепах, Чапелл тайно устроил пожар в подлеске. Это был разгар сухого сезона, огонь моментально вышел из-под контроля, окружив охотников на черепах и отрезав им путь на корабль.

Многие вынуждены были бежать сломя голову прочь. Они шли напролом, не замечая обжигающих языков пламени. Волосы и одежда наши были изрядно опалены, но в целом все закончилось для нас благополучно.

К тому времени, когда нам все же удалось вернуться на корабль, практически весь остров буквально пылал¹⁹.

¹⁸ Никерсон, вероятно, имеет в виду Post Office Bay, на северо-западной части Исла-Санта-Мария. (Там нет отличной гавани на юго-западной стороне острова.)

¹⁹ Хотя пожар и был чудовищным бедствием для острова, не все черепахи были утеряны. Есть многочисленные свидетельства китобоев, что в глубине острова через много лет после пожара все же встречались немногочисленные особи этих

Из воспоминаний Никерсона:

Хорошо, что мы не знали, кто автор этой выходки. Моряки были просто в бешенстве. Поллард был ужасно расстроен. Мы стали искать виновника, но Чапелл, испуганный последствиями своей глупости, признался в содеянном лишь спустя длительное время.

Разрушения, вызванные огнем, были просто колоссальны и трагичны для животных и растений, обитавших на острове. Спустя много лет ущерб от пожара был все еще заметен. Ни деревьев, ни кустарников, ни травы здесь не было. Судя по всему, тут погибли тысячи и тысячи морских черепах, птиц, ящериц и змей.

Эссекс навсегда изменил жизнь этого острова. Когда я вернулся на остров лишь спустя много-много лет, то вместо когда-то зеленого острова Чарльза я встретил лишь почерневший пустырь.

Днем 23 октября мы подняли якорь, паруса и снова вышли в море. На закате мы потеряли остров из виду, вдалеке лишь виднелись отражающиеся в воде всполохи пламени. Теперь наш курс лежал на запад. Там для китобойного промысла было организовано свободное торговое пространство. Ничего примечательного в те дни не произошло. Разве что редких погонь за косяками диких китов. Так продолжалось до утра 16 ноября. Тогда, находясь в $1^{\circ} 00'$ южной широты и $118^{\circ} 00'$ западной долготы, стая китов проплывала как раз рядом с нашим кораблем. Все мы приготовились к ловле китов. Старшая лодка, лучше снаряженная и с более подготовленными моряками, поравнялась с самым крупным китом и бросила в него дротик. Тогда кит обернулся и буквально бросился на лодку, разламывая ее на куски. Всех нас выбросило в открытое море, но, как бы удивительно это ни прозвучало, в тот раз никто не пострадал. Все без приключений перебрались в другую лодку, доставившую их на корабль.

Герман Мелвилл Тайпи

1

Полгода в открытом море! Да, да, читатель, вообрази: полгода не видеть суши, гоняясь за кашалотами под палящими лучами экваториального солнца по широко катящимся валам Тихого океана – только небо вверх, только море и волны вниз, и больше ничегошеньки, ничего! Уже много недель, как у нас кончилась вся свежая провизия. Не осталось ни единой сладкой картофелины^[1], ни единого клубня ямса. Великолепные грозди бананов, украшавшие прежде нашу корму и ют, – увы! – исчезли, нет больше и сладостных апельсинов, свисавших с наших штагов и рей. Все ушло, и нам ничего не осталось, кроме солонины и морских сухарей. О вы, путешествующие в пассажирских каютах, вы, которые столько шуму подымаете из-за какого-то двухнедельного плавания через Атлантику и с таким искренним ужасом повествуете о своих корабельных тяготах, – подумать только, ведь после целого дня завтраков, чаев, обедов из пяти блюд, светских бесед, виста и пунша вам приходится, бедненьким, запираяться по своим отделанным красным деревом и мореным дубом каютам и спать по десяти часов кряду непробудным сном, разве только «эти негодники матросы» вдруг вздумают «орать и топтать над головой», – что бы вы сказали, случись вам провести шесть месяцев в открытом море?!

Увидеть бы хоть одну травинку, освежающую глаз! Вдохнуть хоть бы один раз жирный аромат земли, размятой и благоухающей в горсти! Неужто ничего свежего, ничего зеленого нет вокруг нас?! Зелень-то, правда, есть. Наши борта изнутри выкрашены зеленой краской, но какого ядовитого, болезненного оттенка – будто ничто, даже отдаленно схожее с живой растительностью, не могло бы вынести этого тяжелого пути, уводящего прочь от твердой земли. Даже кора, державшаяся на дровах, ободрана и пожрана капитанской свиньей, да и сама та свинья уже съедена давным-давно.

И в загородке для птицы остался только один-единственный обитатель – некогда веселый лихой петушок, гордо расхаживавший в окружении жеманных кур. А теперь? Взгляните на него: вон он круглый день стоит, понурый, на своей одной неутомимой ноге. И с омерзением отворачивается от рассыпанных перед ним плесневелых зерен и от тухлой воды в корытце. Без сомнения, он предается трауру по своим погибшим подругам, которые были в буквальном смысле вырваны у него одна за другой и исчезли безвозвратно. Но дни его траура сочтены, ибо наш черный кок Мунго вчера сообщил мне, что получено наконец указание и смерть бедняги Педро предreshена. В будущее воскресенье его изможденный труп выставят для прощанья на капитанском столе, и задолго до наступления ночи он будет со всеми почестями похоронен под жилеткой сего почтенного джентльмена. Кто бы поверил, что может сыскаться столь жестокий человек, который желал бы казни страдальцу Педро? Однако эгоистичные матросы денно и нощно молят бога о гибели злосчастной птицы. Утверждают, что капитан не повернет к берегу до тех пор, пока у него в запасе есть хоть один свежий мясной обед. Бедное пернатое обречено послужить ему последним таким обедом, и, как только оно будет поглощено, капитан должен образумиться. Я не желаю тебе худа, Петр^[2], но раз уж ты все равно обречен рано или поздно разделить судьбу всего рода твоего и раз конец твоему существованию одновременно должен послужить знаком нашего освобождения – да по мне, признаться, пусть бы тебе хоть сейчас перерезали горло, ибо, о, как я жажду снова увидеть живую землю! Даже сама наша старая шхуна мечтает опять взглянуть на сушу своими круглыми клюзами, и смельчак Джек Люис правильно ответил, когда на днях капитан обругал его за то, что он плохо держит курс:

– Да видите ли, капитан Вэнгс, я рулевой не хуже всякого, – сказал он, – да только нынче никто из нас не может удержать старушку на курсе. Не хочет она идти ни по ветру, ни бейдевинд, как ни смотришь за ней, она все норовит сойти с курса, а когда я, сэр, этак нежненько кладу руль на борт и добром приглашаю ее не увиливать от работы, она взбрыкнет и на другой галс перекачивается. А все потому, сэр, что она чувствует сушу с наветренной стороны и нипочем не хочет уходить дальше по ветру.

Твоя правда, Джек. Да и как может быть иначе? Разве ее толстые шпангоуты не выросли в свое время на твердой земле и разве у нее, как и у нас, нет своих чувств и привязанностей?

Бедная старая шхуна! Чего же ей еще желать? Да вы только посмотрите на нее. Вид ее так жалок! Краска на боках, выжженная палящим солнцем, пошла пузырями и лупится. И вон водоросли тащатся за нею хвостом, а под кормой что за безобразный нарост из уродливых полипов и рачков! И всякий раз, взбираясь на волну, она открывает миру оборванные, покорженные листы медной обшивки.

Бедная старая шхуна! Ведь ее полгода без передышки носит и мотает по волнам. Однако бодрись, старушка, скоро надеюсь увидеть тебя в зеленой бухте, мирно покачивающейся на якоре в надежном укрытии от неистовых ветров и так близко от веселых берегов, что просто рукой подать или добросить замшелым сухарем!

«Урра, братцы! Решено: через неделю мы берем курс на Маркизские острова!»

Маркизские острова! Какие странные, колдовские видения вызывает это имя! Нагие гурии, каннибальские пиршества, рощи кокосовых пальм, коралловые рифы, татуированные вожди и бамбуковые храмы; солнечные долины, усаженные хлебными деревьями, резные челноки, танцующие на ясных синих струях вод, дикие джунгли и их жуткие стражи – идолы; языческие обряды и человеческие жертвоприношения.

Таковы были странные, смутные предвкушения, томившие меня все время, пока мы туда плыли. Мне не терпелось как можно скорее увидеть острова, столь красочно описанные мореплавателями прошлых дней.

Архипелаг, на который мы держали курс, хотя и принадлежит к наиболее ранним открытиям европейцев в Южных морях (впервые они побывали там в 1595 году), остается по сей день обиталищем племени дикого и языческого. Миссионеры, отправлявшиеся в плавание по делам божиим, стороной миновали эти живописные берега, предоставляя их во власть деревянных и каменных идолов. А как необыкновенны обстоятельства, при которых они были открыты! На водной тропе Менданы^[3], рыскавшего по океану в поисках золотого берега, они встали как некий очарованный край, и на какое-то мгновение испанец поверил, что мечта его сбылась. В честь маркиза де Мендозы – в те времена вице-короля Перу, под чьим покровительством было начато это плавание, – Менданья дал островам имя, прославляющее титул его патрона, и по возвращении восторженно и туманно поведал миру об их великолепии. Но острова, годами никем не тревожимые, снова как бы канули во мрак неизвестности; все сведения, которыми мы о них располагаем, появились лишь в самое последнее время. А раз в полстолетие^[4] на них обязательно натыкался какой-нибудь отчаянный морской бродяга, нарушая их мирную дремоту, готовый всякий раз приписать себе честь нового открытия.

Сведения о группе этих островов скудны – есть только случайные упоминания в книгах о плаваниях по Южным морям. Кук во время своих неоднократных кругосветных путешествий почти не задерживался у их берегов, и все, что мы знаем о них, почерпнуто из двух-трех повествований более общего характера. Среди них особого внимания заслуживают две книги: «Бортовой журнал плавания американского фрегата „Эссекс“ по Тихому океану в годы минувшей войны» Портера^[5], содержащая, как я слышал, немало интересных подробностей об островитянах, хотя эту книгу мне ни разу не посчастливилось видеть самому, и «Плавание в Южных морях» Стюарта^[6], капеллана американского военного шлюпа «Венсанн», где один из разделов также посвящен этой теме.

За последние несколько лет американские и английские суда, занятые китобойным промыслом в Тихом океане, испытывая недостаток в продовольствии, заходили время от времени в удобную бухту одного из Маркизских островов, но страх перед туземцами, коренящийся в памяти об ужасной судьбе, постигшей здесь многих белых людей, удерживал команды от общения с местным населением, достаточно близкого для того, чтобы познакомиться с их своеобразными обычаями.

Протестантские миссионеры, как видно, отчаялись когда-либо вырвать эти острова из цепких пут язычества. Встречи, которые им во всех без исключения случаях оказывали островитяне, запугали даже храбрейших из их числа. Эллис^[7] в своих «Полинезийских исследованиях» приводит интересный рассказ о неудачной попытке Таитянской миссии^[8] организовать филиал на одном из Маркизских островов. В связи с этим я не могу не передать довольно забавный случай, происшедший там незадолго до моего появления.

Один отважный миссионер, не уstraшенный плачевным исходом всех прежних стараний умиротворить этих дикарей и твердо верующий в благотворную силу женского влияния, привез к ним молодую и красивую жену, первую белую женщину в тех краях. Вначале островитяне взирали на это чудо с немимым восторгом и, видимо, полагали, что перед ними какое-то божество. Но вскоре, свыкнувшись с прелестным внешним обликом этого божества и негодуя на покровы, заслоняющие от них его истинные формы, они пожелали проникнуть взором священные ситцевые складки и, утоляя свое любопытство, столь недвусмысленно преступили правила благонравного поведения, что жестоко оскорбили чувство приличия этой достойной дамы. Но лишь только они установили ее пол, как молчаливое их обожание сменилось откровенным презрением, и не было счета оскорблениям, которыми осыпали ее эти возмущенные дикари, вообразившие, будто их желали бессовестно обмануть. К ужасу любящего супруга, с нее сорвали одежды и дали ясно понять, что больше ей не удастся безнаказанно водить их за нос. Благородная дама была не настолько возвышенна душой, чтобы терпеть все это, и, убоившись дальнейших безобразий, заставила мужа отказаться от его начинания и возвратиться на Таити.

Такое стыдливое нежелание демонстрировать свои прелести отнюдь не было свойственно самой царице, прекрасной супруге царя острова Нукухива Мованны^[9]. Спустя два-три года^[10] после описываемых в этой книге приключений я как-то очутился у здешних берегов на борту военного корабля, на котором тогда плавал. В то время Маркизы находились во власти французов^[11], и они с гордостью утверждали, что благотворное воздействие их законов уже успело сказаться на поведении жителей. Правда, при одной такой попытке усовершенствования нравов ими было перебито человек полтора ста обитателей острова Уайтайху – но об этом умолчим. В те дни, о которых идет речь, в заливе Нукухива собрались все корабли французской эскадры; и в ходе беседы между одним их капитаном и нашим многоуважаемым коммодором француз выдвинул предложение, чтобы наш корабль как флагман американской флотилии принял с официальным визитом здешнюю царскую чету. При этом он с большим удовлетворением сообщил, что под их неусыпным руководством царь и царица усвоили надлежащий взгляд на собственное высокое положение и в торжественных случаях держатся со всей подobaющей солидностью. На борту корабля начались приготовления – их величествам надо было устроить достойный прием.

И вот в ясный погожий день от одного из французских фрегатов отвалила пестро изукрашенная гичка и устремилась прямо к нам. На корме ее возлежал Мованна и рядом – его царственная супруга. Когда они приблизились к нам в достаточной мере, им были оказаны все королевские почести: команда усеяла реи, пушки грянули салют, и поднялся невообразимый шум.

Взойдя по трапу на палубу, где их со шляпой в руке приветствовал наш коммодор, они двинулись мимо выстроившегося на шканцах почетного караула, а оркестр грянул

«Славься, царь каннибальских островов». Все шло как нельзя лучше. Французские офицеры ухмылялись и строили самодовольные гримасы вне себя от восторга, что августейшие особы так прилично себя ведут.

Их внешний вид, безусловно, был рассчитан на то, чтобы впечатлять. Его величество был облачен в великолепный военный мундир, колом стоявший от бесчисленных шнуров и золотого шитья, между тем как его бритую макушку скрывала огромная *chapeau bras*²⁰ с плавно колыхающимися страусовыми перьями. Одно только было неладно в его царственном облике: через все лицо шла вровень с глазами широкая полоса татуировки, создавая впечатление, будто его величество носит большие темные очки; а королевская особа в очках – это же бог знает что такое! В наряде же его прекрасной смуглолицей половины флотские портные поистине явили весь блеск своего национального вкуса. Она была обернута в легкое ярко-алое полотнище с желтой шелковой бахромой понизу, которая едва достигала колен и открывала всеобщему обозрению голые ноги, украшенные спирально татуировкой и несколько напоминающие две Трояновы колонны в уменьшенном масштабе. А на голове у нее красовался замысловатый тюрбан из лилового бархата с серебряными разводами, увенчанный плюмажем из всевозможных перьев и перышек.

Скоро внимание ее величества привлекли любопытствующие члены экипажа, столпившиеся на палубе. Из их числа она выделила одного старого морского волка, чьи голые руки, босые ноги и распахнутая грудь были исписаны китайской тушью гуще, чем крышка египетского саркофага. Невзирая на тактичные намеки и прямые возражения французских офицеров, она тут же приблизилась к нему и, заглядывая за пазуху его парусиновой робы, еще выше закатывая его широченные штанины, с восхищением рассматривала открывавшиеся при этом малиновые и синие узоры. Она прямо оторваться от него не могла, ласкала его, обнимала и выражала свой восторг разными непонятными восклицаниями и жестами. Легко себе представить смущение дипломатичных галлов при этих непредвиденных обстоятельствах. Вообразите же, каков был их ужас, когда сия августейшая дама, желая явить взглядам кое-какие иероглифы на своей собственной особе, вдруг быстро наклонилась и, отвернувшись от общества, вскинула свои юбки, открыв глазам присутствующих такое зрелище, от которого потрясенные французы бежали в тот же миг и, попрыгав в свою шляпку, покинули сцену позорной катастрофы.

²⁰ Широкополая шляпа (*фр.*).

2

Не забыть мне те восемнадцать или двадцать дней, пока легкие пассаты безмолвно гнали нас к Маркизским островам. Мы промышляли кашалотов на самом экваторе, где-то градусах в двадцати к западу от Галапагосов^[12], и когда курс был проложен, наше дело было только обрасопить реи и держать по ветру, а об остальном уж позаботятся свежий ветер да добрый корабль. Вахтенный рулевой больше не изводил старушку непрерывными рывками штурвального колеса, а, удобно облокотившись на спицы, часами блаженно дремал. Верная своему долгу, «Долли» твердо держалась курса и, как те люди, что лучше всего управятся с делом, если предоставить их самим себе, трусила своей дорогой, точно старый морской конь, каким она в действительности и была.

Какое божественное это было время, какая лень, какая истома царили кругом! Делать было нечего – положение вещей, как нельзя более отвечавшее нашей явной склонности к ничегонеделанию. Кубрик совсем обезлюдел, мы натянули на баке тент и целый божий день проводили под ним – спали, ели и предавались безделью. Всех словно каким-то зельем опоили. Даже офицеры, кому долг запрещает садиться, пока они находятся на палубе при исполнении служебных обязанностей, тщетно пытались удержаться на ногах и вынуждены были прибегать к компромиссу – они прислонялись к поручням и бездумно глядели за борт. О чтении нечего было и думать: стоило взять книгу в руки, и ты уже крепко спал.

Не в силах противостоять этому расслабляющему влиянию, я, однако, по временам стряхивал с себя на мгновение чары и успевал восхититься красотой всего, что было вокруг меня. Небо раскинулось широким сводом чистейшей нежной синевы, лишь по самому горизонту опущенное узкой каймой бледных облаков, день ото дня не меняющих ни формы, ни цвета. Плавно, размеренно, заупокойно колыхалось тихоокеанское лоно, и зеркальная выпуклая гладь огромных валов морщила и рябила солнечными зайчиками. Время от времени из-под форштевня взлетали испугнутые стайки летучих рыбешек и тут же серебряным ливнем низвергались назад. Или вдруг великолепный тунец вырывался из воды, сверкая боками, и, опирав дугу, вновь скрывался под водой. Порой вдалеке можно было видеть высокую играющую струю китового фонтана, а поближе – рыскающую тень акулы, этого коварного морского разбойника, украдкой с безопасного расстояния разглядывающего нас своим недобрым глазом. Иногда какое-нибудь бесформенное чудовище глубин, всплывшее на поверхность, при нашем приближении начинало медленно погружаться, исчезая из виду в синей толще воды. Но всего примечательнее была почти полная тишина, царившая меж небом и водой. Не слышно было ни звука, разве фыркнет поблизости дельфин, да журчит, не умолкая, под форштевнем вода.

А когда мы приблизились к суше, я с радостью встречал бесчисленные полчища морских птиц. Издавая резкие крики и спиралью взлетая и опускаясь, они сопровождали корабль и даже садились на реи и ванты. Пернатый пират, заслуженно прозванный морским коршуном, сверкая кроваво-красным клювом и черным вороновым оперением, бывало, спускался к нам широкими кругами, постепенно их сужая, так что под конец можно было отчетливо видеть странный блеск его маленького глаза, а затем, словно удовлетворившись наблюдением, снова взмывал вверх и терялся из виду. Скоро стали заметны и другие признаки близости суши; прошло немного времени, и вот уже с фор-марса раздался радостный возглас «Земля-а-а!», выведенный нараспев по всем правилам матросского искусства.

Капитан, выскочив из каюты на палубу, заорал, чтобы ему немедленно подавали подзорную трубу, первый помощник еще оглушительнее заорал марсовым: «Где-е?» Чернокожий кок высунул из камбуза курчавую голову, а пес по кличке Боцман стал носиться от борта к борту и яростно лаять. Земля! Земля! Ну да, вот она. Едва различимая неровная голубая полоска – провозвестница обрывистых, еще неразличимых круч и пиков Нукухивы.

Остров этот, хотя обыкновенно считается принадлежащим к Маркизскому архипелагу, многими мореплавателями рассматривается как составляющий вместе с близлежащими островами Рухука и Ропо самостоятельную группу. Все три они получили название Вашингтоновых островов. Они образуют треугольник, расположенный между 8°38' и 9°32' южной широты и 139°20' и 140°10' западной долготы (от Гринвича). Сколь мало у них оснований почитаться отдельной группой, будет ясно, если вспомнить, что, во-первых, они лежат в непосредственной близости, то есть менее чем в одном градусе на северо-запад от остальных островов, и что, во-вторых, их обитатели говорят на маркизском диалекте и у них одни и те же законы, религия и обычаи. Единственной причиной для такого условного выделения могло бы служить то удивительное обстоятельство, что мир ничего не знал об их существовании вплоть до 1791 года, когда они были обнаружены капитаном Ингреэмом из Бостона (штат Массачусетс) без малого на два столетия позже, чем были открыты соседние острова посланцем испанской короны. Как бы то ни было, я, в соответствии с мнением большинства мореплавателей, буду рассматривать эти три острова как часть Маркизского архипелага.

Нукухива – наиболее значительный из них, единственный, куда имеют обыкновение заходить корабли; это тот самый знаменитый остров, где хитроумный капитан Портер во время последней войны американцев с англичанами переоснастил свои суда и откуда он неожиданно напал на большую китобойную флотилию, плававшую тогда в ближних морях под вражеским флагом. Остров имеет около двадцати миль в длину и почти столько же в ширину. На его побережье есть три хорошие гавани, самую вместительную и удобную из них обитатели ее окрестностей обозначают именем Тайохи^[13], а капитан Портер окрестил Массачусетским заливом. Среди различных племен, обитающих по берегам других бухт, а также среди мореплавателей она известна по имени самого острова – как гавань Нукухива. Ее обитатели уже подверглись за последнее время развращающему коммерческому влиянию европейцев, но там, где дело касается их своеобразных обычаев и нравов, они и сейчас находятся в том же первобытном природном состоянии, в каком впервые предстали взгляду белого человека. А враждующие между собой племена, населяющие более отдаленные части острова и почти не вступающие в общение с иноземцами, полностью сохранили свой примитивный образ жизни с древнейших времен.

Теперь и мы держали курс так, чтобы бросить якорь в бухте Нукухива. Лишь на закате стали видны силуэты гор, и, двигаясь всю ночь с очень слабым бризом, мы к утру оказались вблизи них, но, поскольку гавань, в которую мы хотели попасть, была на противоположном конце острова, нам пришлось некоторое расстояние проплыть каботажем вдоль берега, и мы видели, проплывая мимо, цветущие долины, глубокие ущелья, водопады, трепетные рощи, заслоняемые тут и там крутыми обрывистыми утесами, каждую минуту открывающими все новые и новые красоты.

Тех, кто впервые попадает в Южные моря, обычно поражает вид островов с воды. По невнятным отзывам люди часто представляют себе их в виде едва выступающих над водой ярко-зеленых покатых холмов, осененных прелестными рощицами и орошенных сонно журчащими ручейками. Действительность же совсем не такова: высокий прибой ударяет в крутые каменистые берега, кое-где они отступают, образуя глубокие бухты с непроходимыми лесами по низменным берегам, а между ними стенами высятся отроги гор, одетые жесткой травой и спускающиеся к воде откуда-то из гористой сердцевины острова.

К полудню мы поравнялись с входом в залив, медленно обогнули выступающий мыс и выплыли на внутренний рейд Нукухивы. Никаким описанием нельзя передать красоты открывшегося нам зрелища. Но для меня она, увы, пропала, я видел только шесть трехцветных французских флагов, повисших на кормах шести кораблей, чьи корпуса своим черным цветом и раздутыми боками выдавали их воинственное предназначение. Вот они, все шестеро, покачиваются на серебристой глади вод, а зеленые горы с берегов глядят на них так миролю-

биво, словно упрекая за эту воинственность. На мой взгляд, ничто не могло бы так нарушить гармонию, как присутствие здесь этих судов. Но вскоре мы узнали, каким образом они тут оказались. Незадолго перед тем сюда явился доблестный контр-адмирал дю Пти-Туар со всей эскадрой и именем непобедимой французской нации вступил во владение всей группой Маркизских островов.

Это известие мы получили от личности в высшей степени необыкновенной: от настоящего тихоокеанского бродяги. Лишь только мы вошли в залив, он подплыл к нам на вельботе и поднялся на палубу с помощью некоторых сочувствующих из числа команды – ибо находился в той степени опьянения, когда человек делается крайне любезным и совершенно беспомощным. Будучи явно не в состоянии прямо стоять на ногах или же переправить свою персону от одного борта к другому, он тем не менее великодушно предложил капитану свои услуги в качестве лоцмана, дабы провести нашу шхуну к месту удобной и надежной якорной стоянки. Капитан усомнился в его способности послужить нам лоцманом и отказался признать его в этом звании. Но наш уважаемый гость не собирался отступаться от своего намерения. Упорно карабкаясь, падая и карабкаясь снова, он взобрался в висевшую на шканцах шлюпку, встал в ней во весь рост, держась за ванты, и голосом на редкость оглушительным принялся выкрикивать команды, сопровождая их к тому же весьма своеобразной жестикуляцией. Разумеется, никто его не слушал, но утихомирить его не представлялось возможности, и мы плыли мимо кораблей французской эскадры, имея на борту этого клоуна, выделявавшего свои штуки на глазах у их офицеров.

Потом мы узнали, что наш странный знакомец был когда-то лейтенантом английского флота, но, опозорив флаг своей страны каким-то преступлением в одном из больших европейских портов, бежал и много лет провел, скитаясь по островам Тихого океана, пока новые французские власти в Нукухиве, где он случайно находился, когда они прибрали остров к рукам, не назначили его портовым лоцманом.

Мы медленно плыли по заливу, а с окрестных берегов отчаливали и устремлялись нам наперерез многочисленные туземные челноки, так что скоро нас окружала уже целая флотилия этих суденышек, и их смуглые гребцы теснили и отпихивали один другого, пытаясь вскарабкаться к нам на борт. Иногда при этом две такие легкие ладейки сцеплялись под водой своими выносными балансирами и грозили перевернуться, и тогда поднимался такой ералаш, какой не поддается описанию. Клянусь, что столь диких воплей и столь яростных телодвижений я не видел и не слышал никогда в жизни. Можно было подумать, что островитяне вот-вот сцепятся друг другу в глотки, между тем как они всего только дружелюбно обсуждали, как бы расцепить лодки.

Среди лодок на волнах там и сям покачивались связки кокосовых орехов, образуя на воде почему-то правильные кольца. По какой-то необъяснимой причине все эти орехи неуклонно приближались к нашему кораблю. Я перегнулся через борт, любопытствуя разгадать тайну их продвижения, и одна такая кольцеобразная связка, далеко опередившая остальные, привлекла мое внимание. В ее центре я заметил нечто показавшееся мне тоже кокосом, но если так, то кокосом в высшей степени странным. Он как-то по-особенному кружился и плясал среди остальных, и, когда они подплыли поближе, оказалось, что он замечательно походит на коричневую бритую голову туземца. Вскоре обнаружились два глаза, и я понял, что то, что я принимал за орех, в действительности и есть просто-напросто голова островитянина, который избрал этот своеобразный способ доставки товара к месту продажи. Все орехи были связаны между собой узкими полосами шелухи, в которую одета их скорлупа. И владелец всей связки, просунув голову в середину, продвигал свое кокосовое ожерелье вперед, работая под водой только ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Сладкий картофель (батат) и ямс – корнеплодные растения, выращиваемые в тропиках и субтропиках.

2.

Я не желаю тебе худа, Петр... – реминисценция из Нового Завета, обращение Христа к апостолу Петру (Евангелие от Матфея, 16: 18).

3.

Менданья Альваро де Нейра (1541/1545–1595) – испанский мореплаватель, совершивший два плавания к западу от Перу с целью открытия новых земель; во время второго, в 1595 году, открыл юго-восточную группу Маркизских островов.

4.

А раз в полстолетие... – как и большинство островов Полинезии, Маркизский архипелаг «открывали» несколько раз. Почти через двести лет после Менданьи, в 1774 году, знаменитый английский мореплаватель Джеймс Кук (1728–1779) нанес на карту еще один остров. В 1791 году американец Джозеф Ингреэм (1762–1800) и француз Этьен Маршан (1755–1793) практически одновременно обнаружили северо-западную группу островов архипелага, назвав их соответственно Вашингтоновыми островами и островами Революции. В 1804 году Маркизы исследовал русский мореплаватель Иван Федорович Крузенштерн (1770–1846).

5.

Портер Дэвид (1780–1843) – офицер военно-морского флота США, во время войны с Англией 1812–1814 гг. командовал фрегатом «Эссекс» на Тихом океане; в 1813 году предпринял рейд на Маркизские острова, где неудачно пытался основать поселение. Был автором нескольких книг, в том числе «Журнала плавания по Тихому океану» (1815). Исследование текста показывает, что Мелвилл, вопреки своему утверждению, знал работу Портера и почти дословно воспроизвел некоторые описания.

6.

Стюарт Чарлз – американский миссионер; посетил Маркизские острова в 1829 году на американском военном корабле «Венсанн», а в 1831 году опубликовал книгу «Плавание в Южных морях».

7.

Эллис Уильям (1794–1872) – английский миссионер. Его книга «Полинезийские исследования» вышла в Лондоне в 1831 году, в Нью-Йорке – в 1833 году и до сих пор не потеряла своей важности как источник сведений о полинезийцах.

8.

...попытка Таитянской миссии... – в 1799 году Английское миссионерское общество открыло христианские миссии на Таити, Тонга и Маркизах. Лишь первая действовала успешно, две другие пришлось закрыть, так как население не приняло религию пришельцев.

9.

...царя... Мованны – на Маркизских островах господствовали в то время родоплеменные отношения; титул «царя» давался тому или иному вождю колонизаторами.

10.

Спустя два-три года... – «Акушнет», на котором Мелвилл плывал матросом, пришел на Нукухиву в июле 1842 года; на военном фрегате «Соединенные Штаты», несшем службу в Тихом океане, он служил с августа 1843 года. по октябрь 1844 года. Фрегат заходил на Нукухиву в начале октября 1843 года, 7 октября его посетили «царь» и «царица» острова.

11.

...Маркизы находились во власти французов с июля 1842 года, когда эскадра вице-адмирала Абеля дю Пти-Туара (1793–1864) утвердила существующий до сих пор протекторат Франции над архипелагом.

12.

Галапагосы (Черепаховые острова) – архипелаг, расположенный в экваториальной части Тихого океана, к западу от Перу; открыт испанцами в 1535 году.

13.

Гавань Тайохи – вероятно, залив Тайо-Хае. Транскрипция Мелвилла, сохраненная при переводе, весьма приближительна.